

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права
(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Актуальные проблемы доказывания в уголовном судопроизводстве Российской Федерации»

Обучающийся

А.Д. Гостяев

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

д-р юрид. наук, доцент, С.И. Вершинина

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2024

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Понятие доказывания в российском уголовном судопроизводстве	6
1.1 Понятие, система и структура доказывания	6
1.2 Субъекты доказывания: понятие, виды и полномочия	17
Глава 2 Доказательства и их виды в российском уголовном судопроизводстве	26
2.1 Понятие доказательства по российскому уголовно-процессуальному праву	26
2.2 Виды доказательств и их юридические свойства	35
Глава 3 Проблемы правового регулирования доказывания и доказательств .	47
3.1 Бремя доказывания как элемент уголовно-процессуального доказывания	47
3.2 Электронные доказательства как средство доказывания по уголовным делам.....	55
Заключение	63
Список используемой литературы и используемых источников.....	66

Введение

В уголовно-процессуальной науке общепризнанно мнение о наличии в системе уголовно-процессуального права отдельной подотрасли доказательственного права, включающей в себя совокупность норм и институтов, регламентирующих деятельность по доказыванию в досудебном и судебном производстве. Правовую обособленность доказательственного права, тем не менее, нельзя понимать буквально. Не случайно классики уголовно-процессуальной науки говорили о доказательственном праве как о сердцевине уголовного процесса, о стержне, на который нанизываются остальные нормы уголовно-процессуального права. Доказательственное право с этой точки зрения – есть содержание уголовного судопроизводства.

В правовом государстве никто не может быть признан виновным в совершении преступления и понести уголовную ответственность иначе как по приговору суда, вынесенному в установленном законом порядке. В Российской Федерации порядок уголовного судопроизводства предполагает получение необходимой и достаточной совокупности доказательств, на основании которых суд сможет сделать однозначный вывод о совершении лицом преступления в состоянии вменяемости, и в соответствующем возрасте, предполагающем возможность привлечения его к уголовной ответственности. Отсюда следует, что основная деятельность в уголовном процессе по обоснованию вины обвиняемого, а затем подсудимого связана с собиранием, проверкой и оценкой доказательств обвинения.

Несмотря на значительное внимание ученых и законодателя к вопросам правового регулирования доказывания и доказательств, в современном УПК РФ еще достаточно проблем, на которые обращает внимание уголовно-процессуальная наука. Сюда можно отнести как уже ставшие традиционными для российской науки вопросы, например, цель доказывания, асимметричность доказывания, форма доказательств и т.д., так и новые проблемы, возникающие перед правоприменителями в связи с развитием

общественных отношений, появлением новых технологий, изменением подходов в получении доказательств и т.д. «Особенно больше проблемных моментов возникает при осуществлении доказывания в досудебном производстве, при проведении предварительного расследования и собирании доказательств с электронных источников, в социальных сетях, либо с удаленных объектов» [64]. Влияет на процесс доказывания и происходящее в настоящее время изменение содержания преступности. Все больше преступлений совершается с использованием цифровых технологий, в виртуальной среде, что требует от органов расследования новых знаний в вопросах собирания и проверки доказательств.

Цифровые технологии проникают не только в сферу доказывания, но и в сферу уголовно-процессуального делопроизводства, ставя перед законодателем новые задачи в регламентации уголовно-процессуальной формы.

В связи с актуальностью обозначенной темы исследования, проблемами доказывания и доказательств в разное время занимались такие ученые, как А.Р. Белкин, А.Я. Вышинский, Л.В. Головкин, С.У. Дикаев, Н.В. Жогин, Л.М. Карнеева, Л.Д. Кокорев, В.А.Лазарева, П.А. Лупинская, Л.В. Макаров, И.Б. Михайловская, Ю.К. Орлов, М.П. Поляков, С.Б. Россинский, А.В. Смирнов, А.Ю. Смолин, М.С. Строгович, Ф.Н. Фаткуллин, О.В. Хитрова, С.А. Шейфер и другие.

Объектом проведенного магистерского исследования являются общественные отношения, возникающие при осуществлении уголовно-процессуального доказывания.

Предметом магистерского исследования является совокупность действующих уголовно-процессуальных норм, судебная практика их применения, а также основные концепции понятия доказывания и доказательств.

При проведении исследования использовались общенаучные и частно-научные методы исследования. Взяв за основу общепризнанные подходы в

определении доказывания в российской уголовно-процессуальной науке, мы последователь рассмотрели данные дефиниции и выявили их особенности в действующей правоприменительной практике. При подготовке исследования был изучен большой массив правоприменительной практики. Проанализированы судебные решения, размещенные в открытых источниках в сети Интернет.

В процессе исследования были решены следующие исследовательские задачи:

- изучено понятие доказывания в российском уголовном судопроизводстве;
- обозначены и проанализированы субъекты, осуществляющие доказывание в уголовном судопроизводстве;
- рассмотрены понятие и виды доказательств по российскому уголовно-процессуальному праву;
- выделено бремя доказывания и проведен анализ данного понятия;
- обозначен проблемный характер термина «электронные доказательства».

В соответствии с обозначенными целями и задачи, определена структура магистерской диссертации. Диссертация состоит из трех глав, разделенных на шесть параграфов, введения, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Понятие доказывания в российском уголовном судопроизводстве

1.1 Понятие, система и структура доказывания

В правовом государстве никто не может быть признан виновным в совершении преступления и понести уголовную ответственность иначе как по приговору суда, вынесенному в установленном законом порядке. В Российской Федерации порядок уголовного судопроизводства предполагает получение необходимой и достаточной совокупности доказательств, на основании которых суд сможет сделать однозначный вывод о совершении лицом преступления в состоянии вменяемости, и в соответствующем возрасте, предполагающем возможность привлечения его к уголовной ответственности. Отсюда следует, что основная деятельность в уголовном процессе по обоснованию вины обвиняемого, а затем подсудимого связана с собиранием, проверкой и оценкой доказательств обвинения.

Первоначально доказательства появляются в форме сведений об обстоятельствах, составляющих предмет доказывания по уголовному делу, они собираются и проверяются органом расследования, и в случае установления их достоверности, допустимости и относимости, признаются доказательствами по уголовному делу и используются при формировании государственного обвинения. Затем уже в судебном разбирательстве сторона обвинения представляет свои доказательства, они проходят определенную проверку со стороны защиты и суда, и те доказательства, которые подтвердят свою допустимость, могут быть положены в основу приговора.

Несмотря на значительное внимание ученых и законодателя к вопросам правового регулирования доказывания и доказательств, в современном УПК РФ еще достаточно проблем, на которые обращает внимание уголовно-процессуальная наука. Сюда можно отнести как уже ставшие традиционными для российской науки вопросы, например, цель доказывания,

асимметричность доказывания, форма доказательств и т.д., так и новые проблемы, возникающие перед правоприменителями в связи с развитием общественных отношений, появлением новых технологий, изменением подходов в получении доказательств и т.д. «Особенно больше проблемных моментов возникает при осуществлении доказывания в досудебном производстве, при проведении предварительного расследования и собирании доказательств с электронных источников, в социальных сетях, либо с удаленных объектов» [64]. Влияет на процесс доказывания и происходящее в настоящее время изменение содержания преступности. Все больше преступлений совершается с использованием цифровых технологий, в виртуальной среде, что требует от органов расследования новых знаний в вопросах собирания и проверки доказательств.

В связи с этим вполне логично возникают вопросы «о том, определяют ли правила доказывания процессуальную форму судопроизводства, то есть его цель, принципы, функциональную структуру, либо процессуальная форма задает определенные рамки законодательному конструированию правил доказывания» [37], а также вопросы о пересмотре юридической терминологии в части понимания доказательств и доказывания, о чем говорит В.А. Лазарева [33].

Вопросам доказывания посвящена глава 11 УПК РФ, в которой содержится шесть статей. В статье 85 УПК РФ дано понятие доказывания как деятельности, состоящей в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств предмета доказывания. Однако данное определение в уголовно-процессуальной науке подвергается обоснованной критике. Ученые отмечают его структурный характер, не содержащий основные признаки понятия «доказывание». В связи с этим предлагаются различные дефиниции данного термина.

Например, С.В. Корнакова и Е.В. Завгороднева, определяя процесс доказывания, отмечают, что субъекты доказывания в рамках доказывания по уголовному делу анализируют фактические данные и выявляют признаки,

существенные для уголовно-правовой оценки деяния, формулируют понятие конкретного состава преступления [27].

С иной стороны подошёл к понятию доказывания Н.Р. Гасымов. По его мнению, стандарты доказывания в уголовном процессе важны для полноты, тщательности и объективности изучения обстоятельств дела. Стандарты доказывания позволяют упорядочить процесс сбора и изучения доказательств и не затягивать предварительное расследование и судебное разбирательство. В российском уголовном судопроизводстве применяются объективные и субъективные критерии стандарта доказывания. Стандарты доказывания формируются судебной практикой и корректируются в соответствии с требованиями уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Субъективным критерием стандарта доказывания является внутреннее убеждение субъекта доказывания. Достаточность стандарта доказывания различна при принятии различных процессуальных решений [12].

И.И. Карташов и О.А. Лесников анализируя понятие доказывания, говорят о необходимости введения в научный и практический оборот нового вида доказательств – цифрового доказательства. По их мнению, цифровая информация – это информация, представленная в виде дискретных сигналов, передаваемая или хранящаяся в информационно-телекоммуникационных сетях. Цифровая информация может быть преобразована в процессуальное доказательство в процессе доказывания только через следственные действия. Особенности цифровой информации включают невозможность непосредственного восприятия, легкость изменения и необходимость использования специфических носителей [20].

Рассматривая цифровые доказательства и их особенности, авторы отметили, что цифровые доказательства – это условное название, не противоречащее закону. Цифровая информация должна быть преобразована в понятную человеку форму для использования в уголовном судопроизводстве. Цифровая информация не может быть непосредственно воспринята человеком, что требует использования технических средств.

Более развернутое понятие доказывания дано Е.С. Гришанковой, которая рассматривает данную категорию «в системе уголовно-процессуального познания, неразрывно с содержанием и структурой познавательной деятельности по уголовному делу» [13, с. 57]. По мнению автора, «доказывание характеризуется следующими особенностями:

- доказывание осуществляется по конкретным жизненным случаям, в отношении которых осуществляется правоприменительная деятельность для разрешения вопроса об уголовной ответственности;
- в качестве предмета доказывания выступают конкретные фактические обстоятельства прошлого и настоящего» [13, с. 58];
- доказывание имеет не только познавательную, логическую сторону, но и конкретные практические действия, связанные с собиранием и проверкой доказательств;
- процессуальную форму доказывания составляет его законодательная регламентация.

Проблемы доказывания возникают не только в уголовном процессе. Данная проблематика характерна всем видам юридического судопроизводства. Например, в арбитражном или гражданском процессе также не все ясно с содержанием и структурой доказывания. Рассмотрим более подробно арбитражное доказывание.

Мы изучили исследование А.В. Извековой и О.А. Шубиной по этому вопросу и согласны с ними в том, что доказывание представляет собой «процессуальную деятельность по сбору, представлению, исследованию и оценке доказательств для убеждения суда в истинности фактических обстоятельств дела. Процесс судебного доказывания состоит из предмета судебного познания и этапов судебного познания. Предмет судебного познания - фактические обстоятельства, имеющие значение для дела» [18, с. 86]. Этапы судебного познания включают полное выяснение юридически значимых обстоятельств, установление обстоятельств с помощью

доказывания и логически правильное обоснование выводов на основе исследования и оценки доказательств. «Бремя доказывания в арбитражном процессе возложено на стороны, суд контролирует судебный процесс и выносит законное обоснованное решение. Элементы судебного доказывания включают указание на доказательства, собирание, представление, раскрытие и исследование доказательств, оценку доказательств. Суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению на основе всестороннего, полного, объективного и непосредственного исследования совокупности имеющихся доказательств» [18, с. 84].

Проанализировав данные обстоятельства, мы пришли к выводу что в отличии от гражданского и арбитражного процесса, в уголовном процессе бремя доказывания возлагается только на одну сторону – сторону обвинения.

Сложность в формулировании понятия доказывания привела к тому, что в науке уголовного процесса отсутствует общепризнанный подход к определению данной дефиниции. Например, А.Р. Белкин полагает, что «доказывание – это деятельность познавательная и удостоверительная компетентных государственных органов, среди которых традиционно называют и суд, но также традиционно не упоминают адвоката» [6, с. 112].

П.А. Lupинская понимает под доказыванием «регулируемую законом деятельность, состоящую в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу по УПК» [35, с. 243].

Еще один авторитетный юрист А.В. Смирнов дает следующее понятие доказывания – «это урегулированная законом деятельность по установлению и обоснованию обстоятельств уголовного дела, на основе которых может быть разрешен вопрос об уголовной ответственности» [49, с. 179].

Обобщая все представленные мнения, а также взяв за основу законодательное определение понятия доказывания, мы разделяем следующую дефиницию: «доказывание – это урегулированная уголовно-процессуальным законодательством деятельность уполномоченных субъектов

по собиранию, проверке и оценке доказательств, с целью установления обстоятельств, составляющих предмет доказывания по уголовному делу» [14, с. 121].

«Рассматривая доказывания как процесс, состоящий из определенной последовательности процессуальных действий – собирания, проверки и оценки доказательств, можно обозначить его структуру. В качестве элементов структуры обозначены собирание, проверка и оценка доказательств. Однако есть точка зрения, представляющая собирание, проверку и оценку не как элементы, а как этапы процессуальной деятельности» [3, с. 24]. Говоря об этапах, ученые имеют в виду последовательно совершаемые друг за другом виды процессуальной деятельности. При таком подходе структура доказывания должна быть представлена иначе.

Например, Л.М. Карнеева выделяет в процессе доказывания четыре этапа: обнаружение доказательств, их собирание и фиксация, проверка и оценка [19]. Обнаружение и собирание доказательств осуществляет уполномоченный субъект, после чего он их фиксирует в процессуальных документах. Затем следует проверка доказательства и его оценка с точки зрения соответствия доказательства установленным законом свойствам доказательств.

Рассмотрим каждый элемент или этап отдельно.

Собирание доказательств регламентировано ст. 86 УПК РФ. Под собиранием понимается процессуальная деятельность дознавателя, следователя, прокурора и суда, направленная на производство следственных и иных процессуальных действий. «Во второй части указанной статьи закон наделяет подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей правом собирать и представлять документы и предметы для приобщения к уголовному делу в качестве доказательств. Аналогичное право собирать доказательства закрепляется за защитником в ч. 3 ст. 86 УПК РФ» [8, с. 182].

Надо сказать, что «с момента принятия УПК РФ в 2001 году и до настоящего времени статья 86 УПК РФ действует в первоначальной редакции. В нее ни разу не вносились изменения, что привело к устареванию отдельных законодательных положений» [13, с. 57]. Например, указание прокурора в ч. 1 ст. 86 УПК РФ, как субъекта, осуществляющего производство следственных и иных процессуальных действий, не соответствует современному статусу прокурора, который лишен возможности осуществлять доказывание в уголовном деле. Его роль заключается только в оценке собранных доказательств в ходе предварительного расследования, отраженных в обвинительном заключении, акте или постановлении, на предмет их допустимости, относимости и достаточности для поддержания обвинения.

Еще одна проблема в следующем. Мы полагаем, что использование термина «собирать доказательства» применительно к неуполномоченным субъектам в ч. 2 и 3 ст. 86 УПК РФ дезориентирует правоприменителя, позволяет думать, что участники уголовного судопроизводства, вовлеченные в уголовное дело в обозначенных статусах, также имеют полномочия по собиранию доказательств. В результате граждане обращаются с жалобами на не конституционность данных положений УПК РФ.

Например, гражданин Пронь обратился в Конституционный суд РФ с жалобой на не конституционность статей 85 и 86 УПК РФ, как не предусматривающие обязанность следователя приобщать к материалам уголовного дела в качестве доказательства экспертное заключение, полученное по инициативе обвиняемого, а не по постановлению органа предварительного расследования, что ставит обвиняемого и его защитника в неравное положение со стороной обвинения, нарушает право на защиту и не соответствует статьям 2, 15, 18, 45 и 123 Конституции РФ [39].

Конституционный Суд РФ отказал в принятии к рассмотрению жалобы и указал, что уголовно-процессуальным законом предусмотрен специальный порядок осуществления доказывания, в том числе в части назначения и производства экспертизы. Отказ следователя приобщить к материалам

уголовного дела полученное обвиняемым и его защитником заключение эксперта, не препятствует им повторно обратиться с данным ходатайством в ходе судебного разбирательства, и в последующем обжаловать законность и обоснованность принятого по уголовному делу решения.

Соответственно, употребляя термин «собирать» с определенным смыслом, как процессуальная деятельность именно уполномоченных субъектов, закон не должен использовать его в иных значениях. Л.В. Макаров отмечает, что «указание на право защитника собирать доказательства не вполне корректно, так как все представленные сведения должны проверяться лицом, ведущим расследование» [36, с. 15].

Такое же замечание можно высказать применительно к термину «доказательства», но об этом мы будем рассуждать в следующей главе. Для устранения выявленной неточности в тексте ч. 2 ст. 86 УПК РФ, предлагаем исключить слова «собирать и» и оставить следующий текст: «подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители вправе представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств».

Доказывание является центральным звеном в уголовном судопроизводстве. Доказывание в досудебном производстве устанавливает событие преступления и собирает доказательства. Доказывание в судебном производстве имеет также большое значение, так как только суд может признать лицо виновным и назначить ему наказание [26].

Говоря о собирании доказательств следует отметить ограниченные возможности суда в осуществлении этой деятельности: суд вправе собирать доказательства только для проверки уже представленных сторонами доказательств. Это важное положение, обеспечивающее принцип состязательности сторон, освобождающее суд от несвойственной ему функции обвинения.

Следующий элемент или этап в процессе доказывания по уголовному делу называется «проверка доказательств». Этот этап регламентирован ст. 87

УПК РФ. В отличие от предыдущего элемента в качестве уполномоченных субъектов указываются только следователь, дознаватель, прокурор и суд, исключая вовлеченных участников. «Как вид процессуальной деятельности проверка доказательств проводится не только посредством логической деятельности, т.е. посредством сопоставления доказательств с другими имеющимися в уголовном деле доказательствами, но и посредством практической деятельности. В частности, для проверки уже имеющихся доказательств, уполномоченный субъект вправе проверять источники доказательств, а также получать новые доказательства для проверки уже имеющихся доказательств» [35].

Как уже отмечено, проверка доказательств предполагает установление их источников. При этом четкого понимания, что такое «источник доказательств» ни в законе, ни в уголовно-процессуальной науке, не выработано. Термин «источник» используется также в п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, запрещающей использовать в качестве доказательства показания, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности.

Полагаем, что источник доказательства и источник осведомленности свидетеля – не совпадающие понятия. Источник доказательства – это то, что сохранило следы преступления и смогло передать их в форме, достаточной для отражения в материалах уголовного дела. В качестве источника доказательств выступают материальные объекты со следами совершенного преступления, либо лица, явившиеся очевидцами совершенного преступления.

Иное значение имеет источник осведомленности свидетеля. Например, показания дает свидетель № 1 об обстоятельствах, которые он узнал со слов другого свидетеля № 2. Тогда источником осведомленности свидетеля № 1 станет свидетель № 2. При допросе свидетеля № 2 мы сможем установить, каким образом он узнал об обстоятельствах совершения преступления. Если он был очевидцем данного преступления, тогда он из источника

осведомленности становится источником доказательства, которое можно положить в основу доказательственной базы.

Следующий элемент доказывания называется «оценка доказательств». Ст. 88 УПК РФ закрепляет правила оценки доказательств: «каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности - достаточности для разрешения уголовного дела». Помимо этой статьи УПК РФ гарантирует свободу оценки доказательств в качестве принципа уголовного судопроизводства. Это означает, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы; а совокупность имеющихся в уголовном деле доказательств оценивается должностным лицом по своему внутреннему убеждению, руководствуясь законом и совестью.

Понятные на первый взгляд законодательные положения «допускают оценку доказательств по трем юридическим свойствам: относимости, допустимости и достоверности, каждое из которых будет рассмотрено в следующей главе. Все вместе доказательства оцениваются с точки зрения их достаточности для принятия решения по вопросу виновности подсудимого в совершенном преступлении» [37]. В этой связи хотим процитировать мнение профессора В.А. Лазаревой, о том, что «доказывание в уголовном процессе – это деятельность, направленная на обоснование обвинения» [34, с. 17]. Действительно, если активность в доказывании отводится только стороне обвинения, то очевидно, что результатом ее деятельности в доказывании должно стать обоснование обвинения.

Достаточность доказательств означает, что все устанавливаемые обстоятельства в полной мере получили свое подтверждение имеющимися в уголовном деле доказательствами. Если решение принимает суд, то вся совокупность доказательств, должна быть исследована в порядке судебного разбирательства.

Сравнивая уголовно-процессуальное законодательство России и США, следует отметить, что в указанных странах существуют различные правовые

системы. Поэтому заимствование элементов американского права без учета особенностей нашей страны критикуется учеными [51]. В американском праве действует правило об исключении доказательств, предполагающее, что доказательства могут быть исключены, если нарушены права, гарантированные Конституцией. Однако в США досудебная деятельность осуществляется полицией [60], [61]. Полицейские не составляют протоколы, как российские следователи. Результаты своей деятельности они отражают в отчетах. Если в ходе своей деятельности они нарушили чьи-то права, то полученная в результате этой деятельности информация не может быть представлена в суд в качестве доказательства.

В последние годы Верховный Суд США сужает сферу применения правила об исключении доказательств, указывая, что данное правило действует как средство правовой защиты, но его применение ограничено случаями, когда оно эффективно достигает своих целей, как правило, при производстве обысков. В частности, допускается так называемая «концепция добросовестного заблуждения», допускающая исключение из правила об исключении. Например, полицейский действовал добросовестно, не зная о незаконности своих действий при производстве обыска. Учитывая важность результатов процессуальной деятельности в российской уголовно-процессуальной науке также предложено ввести дискреционные полномочия суда для признания доказательства допустимым в случае добросовестного заблуждения [58].

В связи с этим предлагаем дополнить ч. 1 ст. 75 УПК РФ следующим текстом: «исключение составляют случаи, когда лицо предприняло необходимые меры по соблюдению требований, но нарушение произошло по независящим от него обстоятельствам».

Подводя итоги первому параграфу отметим, что под доказыванием понимается процессуальная деятельность уполномоченных субъектов, обладающих разным объемом процессуальных полномочий. Действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит понятия

«доказывание» и не определяет его содержание в части совершения «иных процессуальных действий». Прежде всего доказывание не стоит отождествлять с предварительным расследованием, в рамках которого проводится и другая деятельность, например, направленная на решение вопроса о применении меры пресечения, или мер обеспечения гражданского иска и т.д. В этом смысле доказывание представляет собой специальную деятельность органа расследования в досудебном производстве, а суда в судебном производстве, в рамках которой устанавливаются обстоятельства, имеющие юридическое значение для разрешения уголовного дела. Хотя содержание деятельности органов расследования и суда в доказывании различно, результат их участия в доказывании всегда сопряжен с ответом на вопросы о виновности обвиняемого или подсудимого и необходимости его уголовной ответственности. Результаты доказывания органа расследования формулируются в итоговом акте расследования, проверяются и утверждаются прокурором, и направляются в суд. Результаты доказывания суда формулируются в приговоре суда, но могут быть обжалованы заинтересованными участниками в вышестоящий суд, решение которого является окончательным.

1.2 Субъекты доказывания: понятие, виды и полномочия

Если доказывание – это специальная процессуальная деятельность государственно-властных субъектов, направленная на получение знаний об обстоятельствах совершения преступления, то важное значение имеет вопрос, что представляют из себя данные субъекты. Как уже отмечено, в ст. 86 УПК РФ представлено несколько групп субъектов, вовлеченных в процесс собирания доказательств.

Первая группа – должностные государственно-властные органы и лица. К ним относятся следователь, дознаватель, прокурор и суд. В эту же группу по мнению В.В. Кониной и К.А. Корсакова, входит и адвокат. «Все они являются

субъектами доказывания. Те же участники, которые не наделены этими правами не относятся к субъектам доказывания» [26]. Это так называемый узкий подход в определении субъектов доказывания, включающий только субъектов, обладающих государственно-властными полномочиями. Широкий подход включает всех участников, задействованных в получении и оценке доказательств [47].

В досудебном производстве основными субъектами доказывания являются дознаватель и следователь. Но прокурор утратил значительные полномочия в доказывании на досудебных стадиях. Он фактически стал наблюдателем. Хотя УПК РФ закрепляет его в качестве субъекта доказывания, прокурор не имеет права на производство следственных действий и не входит в число лиц, имеющих права на осуществление следственных действий.

В обязанности органов расследования входит:

- истребование предметов и документов, допрос свидетелей, проведение проверок и экспертиз;
- сбор доказательств для подтверждения обвинения, а не для защиты;
- проведение розыскных мероприятий для установления виновного лица [10].

Прокурор руководит действиями следователя и обеспечивает законное и обоснованное обвинение. В судебном производстве от лица прокуратуры выступает уже не прокурор, а государственный обвинитель, но и он имеет усеченные полномочия по доказыванию. Во-первых, права государственного обвинителя уравнены с правами защитника по доказыванию. Во-вторых, государственный обвинитель участвует в доказывании в отношении тех обстоятельств, которые обозначены в обвинительном заключении. В-третьих, представление государственным обвинителем новых доказательств также направлено на доказывание обстоятельств преступления, обозначенных в утвержденном обвинительном заключении. Все это привело к тому, что нет единообразного мнения о полномочиях прокурора. Одни ученые считают, что прокурор должен осуществлять доказывание в полном объеме. Другие ученые

считают, что прокурор не является субъектом доказывания. Третьи утверждают, что прокурор поддерживает обвинение, но не осуществляет доказывание.

Более обстоятельно участие прокурора в доказывании рассмотрено А.В. Авиловым, который отмечает, что прокурор не может самостоятельно собирать доказательства и утратил процессуальное влияние на ход следствия. Прокурор также не может отменять постановления суда [1]. Как другие участники, прокурор вправе обжаловать решение суда, если считает его незаконным и необоснованным. В судебном производстве прокурор в статусе государственного обвинителя обязан обосновывать выводы обвинения в силу отстаивания публичных интересов. Таким образом прокурор может влиять на процесс доказывания, представляя доказательства обвинения.

Указание государственных должностных лиц в качестве субъектов доказывания характерно всем государствам постсоветского пространства. Тем не менее многие из них начали формировать свое уголовно-процессуальное законодательство. Например, в Киргизской Республике прошли существенные изменения в уголовно-процессуальном законодательстве после 2010 года. Хотя УПК претерпел существенные изменения, вопросы доказывания остаются нерешенными, а понимание доказывания остается в двух смыслах – широком и узком [2].

Понимая в качестве субъектов доказывания широкий круг участников судопроизводства, УПК Киргизской Республики правом на сбор доказательств наделяет лишь следователя и суд. Следователь обязан принимать меры для всестороннего исследования обстоятельств преступления. Следователь возбуждает уголовное дело и принимает меры к установлению события преступления.

Полномочия суда несколько иные. Суд не обязан доказывать, но вправе собирать доказательства. Суд не осуществляет непосредственный сбор доказательств, но санкционирует следственные действия. Санкционирование придает легитимность полученным доказательствам. Суд оценивает

доказательства по своему внутреннему убеждению, и не выступает на стороне обвинения или защиты, сохраняя беспристрастность.

Анализируя роль уполномоченных субъектов в доказывании отдельные, авторы предлагают разработать новые единые взаимообусловленные алгоритмы деятельности на всех этапах борьбы с преступностью. Другими словами, предлагается сменить процессуальную парадигму, а не корректировать УПК РФ. В этой связи предлагается создать и развить понятие «следственная функция в уголовном процессе», выделив следователя в качестве действительно самостоятельного субъекта доказывания [48].

Выделяя стратегические цели доказывания, ученые отмечают необходимость формирования новых правовых смыслов, которые будут определять новую парадигму развития института предварительного расследования. На этой основе должна быть создана государственная система судебно-экспертного обеспечения, в которую будут интегрированы следственные подразделения. Интеграция экспертных технологий со следственными необходима для эффективного решения задач борьбы с преступностью. Следователь будет знать тогда тенденции развития судебно-экспертных исследований и сможет более качественно собирать доказательства.

Следующий субъект уполномоченный осуществлять доказывание – суд. В отличие от предыдущих субъектов суд осуществляет доказывание своеобразно, он создает условия для сторон защиты и обвинения, чтобы они представляли доказательства, а сам исследует их с участием сторон и отбирает те из доказательств, которые, по его мнению, являются относимыми, допустимыми и достоверными. Получается, что основная задача суда в доказывании отобрать «качественные» доказательства из всех доказательств, представленных сторонами. Отсюда пошло утверждение об осуществлении судом доказывания в форме обоснования. Речь идет об обосновании выводов суда, к которым он приходит по результатам судебного следствия, в рамках

которого стороны представляют доказательства и участвуют в их исследовании.

Проанализировав вопрос об участии суда в доказывании на основе опыта стран с различными правовыми системами, мы пришли к следующим выводам:

- в странах англо-саксонской правовой системы суд играет активную роль в процессе доказывания;
- в странах континентальной Европы суд занимает более активную позицию;
- в России суд занимает пассивное положение, предоставляя сторонам возможность проявлять свою активность.

Тем не менее российский суд обладает определенными полномочиями в доказывании. Суд может истребовать новые доказательства и назначить судебные экспертизы, суд вправе вызывать и допрашивать экспертов, задавать вопросы подсудимому и другим участникам, оглашать их показания. «Суд может проводить следственные действия по собственной инициативе или по ходатайству сторон. Определяя полномочия суда в доказывании Конституционный Суд РФ сформулировал ряд важных правил:

- 1) суд должен проверять и оценивать доказательства с точки зрения их относимости, допустимости и достоверности» [31];
- 2) суд может назначать повторные экспертизы для разрешения сомнений в обоснованности ранее полученных заключений экспертов;
- 3) правомочий суда по собственной инициативе назначать повторные экспертизы является условием использования доказательств для принятия правосудных решений;
- 4) суд обязан отвергать доказательства, если возникают сомнения в их допустимости и достоверности;
- 5) суд должен соблюдать требования статей 49 и 50 Конституции РФ.

Наибольшие вопросы в качестве субъекта доказывания вызывает защитник. В частности, информация, полученная адвокатом, не всегда соответствует понятию доказательства. Например, опрос лица с его согласия не является показаниями этого лица, а заключение эксперта вообще невозможно получить адвокату [17]. Тем не менее говоря о возможности защитника участвовать в доказывании, авторы ссылаются на нормы закона, закрепляющие равноправие сторон обвинения и защиты, на участие защитника наряду с другими участниками процесса в собирании доказательств; на познавательную направленность деятельности защитника. В связи с этим возникает вопрос – обязан ли защитник доказывать невиновность обвиняемого, либо его функция сводится исключительно к даче юридических консультаций своему подзащитному.

Категоричный ответ на поставленные вопросы предоставлен В.В. Ясельской, по мнению которой защитник обязан доказывать невиновность или меньшую виновность своего подзащитного. Для этого защитник обладает всеми элементами процесса доказывания, но его права ограничены [59]. Тем не менее защитник обязан активно участвовать в процессе доказывания, он не может уклоняться от выполнения своих обязанностей, иначе его деятельность будет не эффективна. Чтобы действительно сделать защитника полновластным процессуальным субъектом, необходимо расширить права защитника в собирании и фиксации доказательств, сделать представление доказательств защитником обязательным для органа предварительного расследования, в части приобщения к материалам уголовного дела и их оценки.

Особенно остро проблема участия защитника в доказывании стоит в досудебном производстве. Некоторые авторы предлагают на этом этапе процессуальной деятельности разрешить адвокатам вести параллельное расследование. Но мы считаем, что действующий порядок уголовного судопроизводства не допускает такую возможность. Адвокат необходим на стадии возбуждения уголовного дела, и на начальном этапе расследования

прежде всего для обеспечения защиты прав и свобод лица, привлекаемого в качестве подозреваемого и обвиняемого, а не для сбора доказательств. Не правильно было бы рассматривать адвоката как субъекта, несущего обязанность по доказыванию, даже если возлагать на него обязанность доказать невиновность обвиняемого. Российский уголовный процесс построен таким образом, что сторона защиты может быть абсолютно пассивной, ничего не делать и ожидать результатов работы органов расследования. Если следователь, дознаватель смогут получить достаточную совокупность доказательств виновности лица в совершении преступления, то участие адвоката-защитника не сможет принципиально изменить ситуацию. В таких случаях адвокатах сможет лишь повлиять на получение доказательств, влияющих на размер и объем наказания, не более того.

Часть исследователей считают, что УПК и ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» дают адвокату основания для активного участия в процессе доказывания. Другие авторы полагают, что адвокат не имеет права собирать доказательства. Для устранения обозначенных противоречий необходимо закрепить статус доказательств, получаемых адвокатом.

Перейдем теперь к рассмотрению субъектов доказывания в широком смысле, который включает в этот перечень всех участников, задействованных в процессе доказывания и обозначенных в ст. 86 УПК РФ. По мнению С.Б. Россинского широкий подход в определении субъектов доказывания представляется более разумным, так как отражает законы гносеологии и логики [47].

При таком подходе потерпевший является полноценным субъектом доказывания, его статус специально введен для участия в доказывании, а не для компенсации ущерба. «Статус потерпевшего обеспечивает его участие в уголовном преследовании посредством участия в доказывании по уголовному делу. Права потерпевшего направлены на изобличение обвиняемого и влияют на исход уголовного дела» [4]. Для этого он наделяется широкими правами и

возможностями, соответствующими его процессуальному статусу. Эти возможности включают представление доказательств, обоснование ходатайств и оценку доказательств. Внутренняя оценка доказательств потерпевшим не имеет юридических последствий, но важна для понимания процесса. Потерпевший имеет право приносить жалобы и участвовать в судебных прениях. Потерпевший может влиять на характер и содержание принимаемых решений по уголовному делу.

Помимо потерпевшего активным участником доказывания может быть обвиняемый, который также наделяется соответствующими правами по представлению доказательств, заявлению ходатайств и тому подобное. В отличие от государственно-властных участников, участники, вовлеченные в уголовное судопроизводство в процессе доказывания, не несут обязанностей. Они участвуют в доказывании на уровне права, используя его по своему усмотрению.

Подводя итоги первой главы диссертационного исследования отметим, что действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит понятия «доказывание» и не определяет четко перечень участников, наделенных полномочиями по доказыванию. Прежде всего доказывание не стоит отождествлять с предварительным расследованием, в рамках которого проводится и другая деятельность, например, направленная на решение вопроса о применении меры пресечения, или мер обеспечения гражданского иска и т.д. В этом смысле доказывание представляет собой специальную деятельность органа расследования в досудебном производстве, а суда в судебном производстве, в рамках которой устанавливаются обстоятельства, имеющие юридическое значение для разрешения уголовного дела. Хотя содержание деятельности органов расследования и суда в доказывании различно, результат их участия в доказывании всегда сопряжен с ответом на вопросы о виновности обвиняемого или подсудимого и необходимости его уголовной ответственности. Результаты доказывания органа расследования формулируются в итоговом акте расследования, проверяются и утверждаются

прокурором, и направляются в суд. Результаты доказывания суда формулируются в приговоре суда, но могут быть обжалованы заинтересованными участниками в вышестоящий суд, решение которого является окончательным.

В зависимости от субъекта, осуществляющего доказывание, можно выделить доказывание – познание и доказывание – обоснование. На предварительном расследовании доказывание осуществляется органами предварительного расследования с целью познания обстоятельств совершенного преступления. В судебном производстве, где сторона обвинения представляет результаты предварительного расследования с итоговым сформулированным обвинением и достаточной совокупностью доказательств, его подтверждающих, суд может осуществлять лишь доказывание – обоснование, предполагающее отбор достаточной совокупности доказательств, подтверждающих обвинение, в противном случае – вынесение оправдательного приговора.

Глава 2 Доказательства и их виды в российском уголовном судопроизводстве

2.1 Понятие доказательства по российскому уголовно-процессуальному праву

Доказательства как юридическая категория всегда находятся в центре внимания ученых, занимающихся исследования в уголовно-процессуальной науке. Первое серьезное исследование по проблемам доказательственного права было представлено в коллективной монографии, подготовленной под руководством профессора Н.В. Жогина. Авторы данной монографии понимали доказательства как правовое понятие, содержание которого «существенно влияет на установление прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства» [52, с.423]. Характеризуя доказательства, авторы исходили из единства сведений, составляющих содержание доказательства и процессуального источника доказательства, предусмотренного законом. Другими словами, авторы исходили из единства формы и содержания доказательства и рассматривали доказательства как единую сущность.

Позиция авторов коллективной монографии была основана на законодательном определении доказательства, выраженного в Основах уголовного судопроизводства 1958 года, которое не разрывало фактические данные, устанавливающие обстоятельства уголовного дела и их источники, т.е. «доказательствами признавались фактические данные, содержащиеся в установленных законом источниках. Часто фактические данные понимались как факты, которые в свою очередь делились на две группы – предмет доказывания и промежуточные факты. Аналогичная позиция была представлена в решениях Верховного Суда СССР. В качестве источников рассматривались показания свидетелей, заключения экспертов и другие доказательства» [53, с. 324].

В период публикации коллективной монографии главенствовали две основные концепции в понимании доказательств. В первой концепции, представителем которой являлся М.А. Чельцов, под доказательствами рассматривались факты объективной реальности. Он писал: «факты, из которых выводится существование доказываемого факты, носят название доказательственных фактов или доказательств... доказательствами являются факты, обстоятельства» [56, с. 154]. Представителем второй концепции являлся М.С. Строгович, который писал, что «доказательство в уголовном процессе применяется в двух значениях: доказательство как источник получения следствием и судом сведений о том или ином факты и доказательство как самый факт, обстоятельство, из которого следствие и суд делают выводы о других фактах, подлежащих установлению по уголовному делу» [50, с. 49].

Иная точка зрения была представлена А.Я. Вышинским, по мнению которого доказательства – это сами факты действительности, а не их источники. Факты действительности тогда становятся доказательствами, когда следствие или суд рассматривают их в таком качестве. Оппоненты такого подхода считали, что при таком понимании доказательств происходит перенос центра тяжести в доказывании на оценку фактов объективной действительности [11].

Рассматривая доказательства как фактические данные или факты, ученые выделяли различные формы познания фактов – чувственная и рациональная. При этом каждая форма познания включает в себя элементы другой формы и не может существовать без нее. Также выделялись различные виды познания – непосредственное и опосредованное. В уголовном процессе следователями и судами в большинстве случаев используется опосредованное познание, которые через доказательства познают событие совершенного преступления. Непосредственное восприятие происходит у очевидцев преступления. Если следователь или судья стали очевидцами преступления, они не могут участвовать в доказывании.

Также считается, что отдельные элементы непосредственного восприятия применяются в уголовном процессе. Например, восприятие материальных следов преступления, найденных на месте преступления предметов, само место совершения преступления, внешность и одежда обвиняемого могут осуществляться через непосредственное восприятие. М.С. Строгович критически относился к данным высказываниям. Он считал, что суд воспринимает доказательства, а не факты, при этом само восприятие фактов зависит от свойств этих фактов и целей их исследования [52]. Кроме того, чтобы непосредственное познание определенных фактов гарантировало объективное восприятие, необходимо, чтобы оно происходило при определенных обстоятельствах, аналогичных или тождественных устанавливаемым обстоятельствам. Например, при производстве следственного действия, где возможно непосредственное восприятие, например, осмотре места происшествия, такая форма познания будет уместна. В таких же следственных действиях целесообразно участие понятых, которые затем в судебном заседании смогут подтвердить порядок и результаты проведенного следственного действия. А вот в судебном заседании понятие не требуется, так как суд сам непосредственно воспринимает происходящее в судебном заседании.

Важно отметить, что в протоколах следственных действий непосредственное восприятие фиксирует факты, на основании которых можно сделать выводы об установлении тех или иных обстоятельств, устанавливаемых в том числе опосредованным путем.

Очень важно в понимании доказательств остановиться на концепции отражения доказательственной информации. Отравление присуще всему материальному миру и составляет основу познания мира. Любое изменение в мире, явлениях, оставляет материальные следы, по которым можно установить связи и свойства как внутри явления, так и между явлениями. Так, совершенное преступление отражается не только в окружающем мире, но и в сознании людей, оставляя идеальные следы. Традиционная теория

доказательств исходит из того, что доказательствами являются не сами объективные факты, а их образы и сведения об этих фактах, отраженные в материальном мире, либо в сознании людей.

Факты, образующие событие преступления, отражаются не только материально, но и идеально. Идеальные следы отражаются в сознании участников преступления и очевидцев преступления. При этом восприятие фактов происходит субъективно и зависит от способностей субъекта восприятия, насколько он способен воспринимать данные факты, хранить их в сознании и передать. Этим объясняется, почему одно и то же событие объясняется разными людьми не одинаково.

Материальные следы произошедшего события преступления остаются на материальных объектах, которые в уголовный процесс вводятся в форме вещественного доказательства, которые отражают взаимодействие с обстоятельствами совершенного деяния. Каждое вещественное доказательство проходит несколько стадий формирования: образование следов на материальном объекте, восприятие следов и фиксация следов. При фиксации вещественного доказательства обязательно указание информации о времени и месте его обнаружения. Для каждого вещественного доказательства составляется протокол следственного действия, в котором фиксируются его свойства и признаки.

Свойства вещественного доказательства – это свойства предмета, материального объекта, связанные с обстоятельствами совершенного преступления. Если свойства материального предмета не воспринимаются непосредственно, то проводится экспертиза, в ходе которой выявляется наличие или отсутствие значимых свойств материального предмета.

Понимая доказательства как единство формы и содержания, следует остановиться на понятии «источники доказательств». «Данный термин можно понимать по-разному. С одной стороны, источники доказательств можно рассматривать как носителей следов события преступления – материальные источники (предметы материального мира) и идеальные источники

(очевидцы)» [29]. С другой стороны, под источниками доказательств можно рассматривать процессуальные акты, фиксирующие содержание доказательства. В таком качестве выступают протоколы следственных действий, заключения эксперта, иные документы и тому подобное.

В действующем законодательстве понятие «источник доказательства» также не нашел своего общепризнанного закрепления. Причина заключается в том, что до сих пор не выработано доктринальное понимание данного термина. Хотя от того, что понимать под источником доказательств, зависит признание доказательства допустимым либо недопустимым. В УПК РФ термин «источник доказательства» упоминается лишь единожды, в контексте проверки доказательств, в ст. 87: «проверка доказательств производится дознавателем, следователем, прокурором, судом путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство» [29].

Отсутствие нормативного понимания источника доказательств, и значимость этого термина для понимания допустимости доказательств подвигло ученых заниматься исследованиями в этом вопросе. Следует отметить, что в середине прошлого века источники доказательств понимались также как средства доказывания. Например, Л.Д. Кокорев под источником доказательства понимал средство доказывания того или иного факта, также обстоятельства, подлежащие доказыванию [25]. Несколько по-иному понимал источники доказательств Ф.Н. Фаткуллин, как «процессуальную форму, посредством которой фактические данные, признаваемые доказательствами, вовлекаются в сферу процессуального доказывания, и носитель этой фактической информации» [54].

Современные ученые также не пришли к единому мнению. Источники доказательств понимаются от «живых лиц, которые занимают в уголовном судопроизводстве определенное процессуальное положение» [15], до более расширительного толкования – живых лиц, обладающих доказательственной

информацией; материальные предметы – носители следов преступления, а также документы, составленные вне уголовного процесса, но несущие на себе относимую информацию. Такое расширительное толкование источников доказательств разделяют Ю.К. Орлов [40], В.А Лазарева [32], В.С. Балакшин [5] и другие.

Оригинальный подход в понимании источников доказательств высказан С.А. Шейфером, по мнению которого использование в уголовно-процессуальном законодательстве данного термина не оправданно. Этот термин следует использовать «лишь в теории для обозначения носителей доказательственной информации» [57]. Профессор считал, что «явления, обозначенные в ч. 2 ст. 74 УПК России следует именовать не источниками, а видами доказательств» [57, с. 42]. «Похожий подход продемонстрирован авторами Курса уголовного процесса, под редакцией заведующего кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора МГУ Л.В. Головки, которые фактически отождествляют понятия «источники доказательств» и «виды доказательств», указанные в ч. 2 ст. 74 УПК РФ» [30, с. 125].

Данный подход подвергся критике со стороны других авторитетных ученых. В частности, О.В. Хитрова и А.А. Сумин на основе семантической и лексической характеристик слов убедительно показывают различия между понятиями «источник» и «вид». По мнению указанных профессоров «если признать, что в ч. 2 ст. 74 УПК России речь идет о видах доказательств, то в этом случае понятие доказательства сводится лишь к одному его составляющему – сведениям, что отрывает его от источников. Если признать, что в рассматриваемой норме перечислены виды доказательств, то опять возникает вопрос об их источниках, которые требуется установить в силу ст. 78 УПК России, проводя проверку доказательств» [55]. В связи с этим авторы показали несостоятельность показаний, заключений и других форм доказательств, обозначенных законом в качестве источников либо видов доказательств. Ведь если в показаниях обвиняемого, содержание доказательства составляют сведения, сообщённые обвиняемым на допросе, а

источником является сам обвиняемый, то возникает вопрос относительно юридического значения самих показаний. Аналогичные вопросы возникают при анализе других доказательств, обозначенных в ч.2 ст.74 УПК РФ.

С принятием УПК РФ в 2001 году понятие доказательства изменилось. Согласно ст.74 УПК РФ, доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Эта же статья устанавливает виды доказательств, закрепляя:

- 1) показания подозреваемого, обвиняемого;
- 2) показания потерпевшего, свидетеля;
- 3) заключение и показания эксперта;
  - 3.1) заключение и показания специалиста;
- 4) вещественные доказательства;
- 5) протоколы следственных и судебных действий;
- 6) иные документы.

Как видим, основу понятия доказательства составляет его информационное содержание. Доказательства – это всегда сведения, относимые к обстоятельствам расследуемого преступления. Они выступают в качестве юридического средства, при помощи которого следователь, а затем и суд смогут установить обстоятельства совершенного преступления и дать им адекватную юридическую оценку.

Однако, чтобы доказательство появилось, оно должно пройти три этапа, то есть оно должно сформироваться. Как верно отметил профессор С.А. Шейфер, доказательства не растут как грибы, его надо сформировать. Следовательно, сначала доказательство собирается, затем оно проверяется и оценивается. Для каждого этапа определены специальные правовые процедуры, обязательные к соблюдению и исполнению. Только после этого можно говорить о появлении доказательства, и то только при условии, что

доказательство соответствует установленным законом свойствам. До этого момента речь идет о сведениях, с которыми работает следователь или дознаватель.

Но и такая трактовка понятия доказательства страдает изъянами. Российский уголовный процесс, смешанный по своему типу предполагает, что досудебное производство имеет предварительный характер. Следовательно, результаты досудебного производства также являются предварительными, как и доказательства, на основе которых построено обвинение [63]. В этой связи не понятно, как оценивать, например, показания свидетеля, данные следователю в досудебном производстве и оформленные протоколом допроса свидетеля. Объявляя сведения, сообщенные свидетелем на допросе в качестве доказательств, следует признать, что такие доказательства вызывают те же самые последствия, что и доказательства, полученные в судебном заседании. Это далеко не так. Именно поэтому свидетель вызывается в суд и допрашивается в судебном следствии, его показания нельзя заменить досудебными показаниями, за исключением ряда случаев, обозначенных в законе. В гражданском процессе такая проблема не существует, так как однозначно все доказательства понимаются как судебные доказательства [38].

Соответственно можно сделать вывод, что сведения, полученные из соответствующих источников доказательств в досудебном и судебном производстве, не одинаковы, они имеют разную юридическую оценку. Если судебные доказательства в полной мере можно считать таковыми, то досудебные доказательства однозначно не могут стоять с ними на одном уровне. Эти особенности законом не учитываются, все доказательства считаются равнозначными.

Несколько с иной стороны подошел к рассматриваемой проблеме Е.В. Васильченко, который в понятии доказательства вывел три элемента, обязательные для оценки сведений в качестве доказательства [7], а именно:

- сведения содержатся в предусмотренном законом источнике;

- использованы установленные законом способы и порядок получения доказательства;
- доказательства получены уполномоченным субъектом.

Рассматривая доказательства в контексте принципа состязательности и понимая доказывание в широком смысле, профессор В.А. Лазарева предложила следующее понятие доказательств: «доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, представленные суду сторонами обвинения и защиты в виде показаний обвиняемого, подозреваемого, свидетеля и потерпевшего, заключений и показаний эксперта и специалиста, вещественных объектов, протоколов следственных действий и иных документов, а также полученные непосредственно судом в ходе судебного разбирательства» [33]. Ценное на наш взгляд в этом определении то, что доказательства рассматриваются исключительно в аспекте судебной деятельности. Несудебных доказательств нет.

Таким образом, подводя результаты данному параграфу следует отметить следующее. Под доказательствами в уголовном процессе следует понимать полученные в судебном следствии сведения из обозначенных законом источников, на основании которых устанавливается предмет доказывания по уголовному делу и делается вывод о виновности подсудимого в совершенном преступлении. Если суд не собрал достаточную совокупность обвинительных доказательств, соответствующих признакам относимости, допустимости и достоверности, то доказательственная база оценивается как недостаточная и постановляется оправдательный приговор.

Считаем верным рассматривать доказательства в уголовном процессе как определенные сведения, полученные в порядке, определенном Уголовно-процессуальным кодексом РФ из установленных законом источников. Информационный характер доказательств – обязательный признак, раскрывающий познавательную направленность доказательства. Сведения, составляющие содержание доказательства должны обладать свойством относимости и достоверности, т.е. должны быть связаны с обстоятельствами,

подлежащими установлению по уголовному делу и соответствовать объективной действительности. При собирании доказательств суд обеспечивает их проверку на соответствие признаку допустимости, а их совокупность – на предмет достаточности для вынесения обвинительного приговора. Исходя из отсутствия в доктрине и законодательстве общепризнанного понимания источников доказательств предлагаем исключить из текста ст. 78 УПК РФ «Проверка доказательств» словосочетание «а также установления их источников». Не имея четкого понимания источника доказательств, нельзя ориентировать правоприменителя на его установление и делать вывод о допустимости доказательства. Одновременно предлагаем рассматривать в качестве источников доказательств материальные объекты, выступающие носителями следов преступления, а также живых лиц, свидетельствующих об обстоятельствах, значимых для установления предмета доказывания по уголовному делу.

2.2 Виды доказательств и их юридические свойства

Как отмечено выше ч. 2 ст. 74 УПК РФ устанавливает следующие виды доказательств:

- 1) показания подозреваемого, обвиняемого;
- 2) показания потерпевшего, свидетеля;
- 3) заключение и показания эксперта;
  - 3.1) заключение и показания специалиста;
- 4) вещественные доказательства;
- 5) протоколы следственных и судебных действий;
- 6) иные документы.

Каждое из обозначенных доказательств должно соответствовать свойствам относимости, допустимости и достоверности. Насколько судьи следуют этим правилам наглядно видно при анализе судебной практике.

В уголовном деле по обвинению М. в совершении преступления предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, судом первой инстанции вынесен обвинительный приговор, с назначением наказания в виде лишения свободы на срок 4 года с испытательным сроком на 4 года и возложением определенных обязанностей. Приговор оставлен без изменения в суде апелляционной инстанции. М. признана виновной в совершении мошенничества, совершенного группой лиц по предварительному сговору, лицом с использованием служебного положения, в особо крупном размере.

Обосновывая вывод о виновности М. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, суд привел такие доказательства, как показания ФИО8, т.е. лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения, представителя потерпевшего ФИО6, свидетелей ФИО9, ФИО11, ФИО15, ФИО10, ФИО16, ФИО17, ФИО18, ФИО12, ФИО19, ФИО20, ФИО21, ФИО22, ФИО23. Вместе с тем, выводы суда первой инстанции о хищении М. 1361600 рублей путем заключения договора поставки между Министерством имущественных отношений и ФИО8 по завышенной цене за товар приведенными в приговоре доказательствами не подкреплен, поскольку суд такие доказательства не изложил. Изложены только выводы эксперта о том, что отклонения цены на маскулицевую от среднерыночной составляет более 20%, что выходит за пределы доверительного интервала для соответствующей развитости рынка и однородности товаров, отклонение составляет 1361600 рублей

Так, из показаний ФИО8, на которые суд сослался в приговоре, следует, что в его обязанности входило общее руководство компанией и производственно-хозяйственной деятельностью, заключение договоров, контрактов, распоряжение средствами указанного общества и т.д. Право подписи принадлежит только ему. После заключения договора между ним и Министерством имущественных отношений в лице заместителя министра ФИО24, в июне 2020 г. ему поступил звонок посредством мессенджера

"WhatsApp" от заместителя министра имущественных отношений М. с просьбой еще заключить контракты.

М. в ходе телефонного разговора пояснила, чтобы он не переживал и единственным поставщиком будет он, заверив, что она ранее состояла в должности начальника отдела торгов и знает, как все сделать. После этого разговора, он приехал в Министерство имущественных отношений к М., где в холле на первом этаже, М. у него просила общую сумму, складывающуюся из коммерческого предложения от лица организации ООО «ПЭСТ». Он огласил ей сумму примерно в 6000000 рублей. М. спросила у него возможно ли увеличить сумму в коммерческом предложении на 100000 рублей, при этом еще не видя самого коммерческого предложения. Он понял, что М. желает похитить денежные средства, и, пользуясь случаем и понимая, что с ней складывается открытый диалог, он предложил ей похитить денежные средства при заключении контракта на поставку средств индивидуальной защиты, завывсив стоимость средств индивидуальной защиты в коммерческом предложении. Так, он предложил М. представить коммерческое предложение от лица организации завывсив в нем сумму на 100000 рублей, распределив их по позициям-наименованиям средств индивидуальной защиты, то есть увеличить цену в коммерческом предложении, с целью совместно похитить указанные денежные средства, указав, что после заключения контракта он передаст ей 100000 рублей, на что М. согласилась.

Так же суд сослался на показания свидетеля ФИО9, согласно которым ему знаком Чипига, он работал с ним 8-10 лет. Он видел, как Чипига собирал для М. бутылку шампанского, куда вкладывал стопку пятидесятичных купюр, таким образом он планировал передать М. денежные средства. Чипига ему пояснял, что имеется возможность поставки перчаток, масок во время пандемии.

Из приведенных показаний не следует, каким путем М. планировала хищение денежных средств именно в крупном размере. Имела ли она намерение превысить в контракте доверительный интервал более чем на 20%.

В то же время суд ссылается как на достоверные на показания ФИО8, из которых следует, что умысел М. был направлен на хищение 100000 рублей, которые он ей и передал. Более того, ссылаясь в приговоре на показания ФИО8 на очной ставке с М. суд привел его показания следующим образом:

«... Обвиняемый ФИО8 полностью подтвердил свои ранее данные показания и указал, что в июне 2020 года М. предложила ему зависить стоимость средств индивидуальной защиты в коммерческих предложениях, то есть совместно похитить денежные средства при заключении контракта N-Э от ДД.ММ.ГГГГ на приобретение экранов защитных, перчаток одноразовых, лицевых масок (одноразовых) для обеспечения санитарно-эпидемиологической безопасности при подготовке к проведению общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию РФ, распределив между собой преступные роли, согласно которой М. в силу занимаемого ею служебного положения должна была обеспечить заключение договора поставки с единственным поставщиком директором которого является ФИО8.

Судебная коллегия отмечает, что второй абзац, приведенный в приговоре, в протоколе очной ставки отсутствует. В самих показаниях на очной ставке ФИО8 опять пояснял те же обстоятельства про хищение 100 000 рублей и о передаче их М.

Кроме того, вызывает сомнение использование очной ставки в качестве доказательства, поскольку суд не привел, какие показания на очной ставке давала М., а также оставил без внимания то, что в ходе очной ставки осужденная М. участвовала в качестве свидетеля, показания давала без адвоката, предупреждалась об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ.

Также в приговоре имеется ссылка на заключение экспертизы N от ДД.ММ.ГГГГ, согласно выводам которого: с А. ФИО8 А.А. познакомился через М.; ФИО8 неоднократно вносил изменения в коммерческие предложения, о которых просила ФИО10; окончательные коммерческие предложения ФИО8 передавал лично ФИО10; М. сама указала, что ФИО8

должен ей передать 100000 рублей; ФИО8 передал М. 100000 рублей. В данном случае это заключение психофизиологической экспертизы по итогам опроса ФИО8 с использованием полиграфа.

Суд первой инстанции не учел, что использование в доказывании результатов психофизиологического исследования с применением полиграфа уголовно-процессуальным законом (ч. 2 ст. 74 УПК РФ) не допускается, поскольку такое исследование не согласуется с принципом свободы оценки доказательств в уголовном судопроизводстве (ст. 17 УПК РФ).

Несмотря на то, что по ч. 1 ст. 286 УК РФ М. осуждена за причинение ущерба путем заключения контракта по завышенным ценам с ФИО8, в приговоре нет показаний последнего по этому эпизоду об обстоятельствах определения цены контракта и обстоятельствах подписания договора.

По этому эпизоду также в качестве доказательств указаны заключение экспертизы по итогам опроса с применением полиграфа и протоколы очных ставок, об оглашении которых данные в протоколе судебного заседания отсутствуют.

Осужденная М. в свою защиту приводила довод о том, что она находилась в отпуске с выездом, когда заключался контракт, по которому ей предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 286 УК РФ. Суд первой инстанции этот довод опроверг только тем, что преступление совершено в иное время. В какое время и при каких обстоятельствах установлено это время, суд не указал [21].

В указанном уголовном деле наглядно видны нарушения, допущенные судом при исследовании доказательств в виде показаний свидетелей, показаний подсудимой, заключений экспертов и других доказательств. Положенные в основу обвинительного приговора доказательства не соответствовали ни одному из обязательных свойств доказательств. Они не были достоверными и не являлись допустимыми, что послужило основанием для отмены приговора и возвращения уголовное дела на повторное рассмотрение.

Не менее интересно следующее уголовное дело. По приговору Ноябрьского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 2 декабря 2021 года Г. был осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ к 7 годам лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима за убийство, то есть за умышленное причинение смерти Д. Апелляционным приговором судебной коллегии по уголовным делам суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 11 декабря 2023 года указанный приговор суда первой инстанции отменен, Г. признан виновным в убийстве, совершенном при превышении пределов необходимой обороны, и осужден по ч. 1 ст. 108 УК РФ к 1 году 3 месяцам ограничения свободы с установлением ограничений и возложением обязанности, указанных в апелляционном приговоре [22].

В кассационном представлении прокурор ставит вопрос об отмене апелляционного приговора, считает его незаконным в связи с существенными нарушениями уголовного и уголовно-процессуального закона, которые повлекли неправильную квалификацию действий осужденного и назначение несправедливого наказания. Утверждает, что у Г. не имелось необходимости в причинении Д. смерти для предотвращения или пресечения посягательства, поскольку посягательство как таковое отсутствовало. Ссылаясь на показания Г. в ходе следственного эксперимента от 14 февраля 2020 года, протокол осмотра места происшествия и пояснения Г. при производстве данного следственного действия, показания свидетелей, заключения и показания экспертов указывает, что нанесение Г. удара ножом в спину Д. с достаточной силой (на глубину 13 см) не было обусловлено необходимостью защиты от посягательства, поэтому не является необходимой обороной либо превышением ее пределов. В подтверждение данного вывода ссылается на достоверно установленные в суде первой инстанции обстоятельства, из которых следует, что в ходе конфликта Г. оказался за спиной Д. в связи с чем у него отпала необходимость обороняться и применять меры защиты, однако он вооружился ножом и нанес им удар в спину Д. с достаточной силой в тот момент, когда потерпевший не был вооружен, не применял насилие и не

высказывал угрозы, то есть не представлял угрозу для Г. Полагает, что суд апелляционной инстанции не дал оценку данным доказательствам и обстоятельствам, оставил без внимания и надлежащей оценки личность Г. Однако суд апелляционной инстанции дал неправильную юридическую оценку содеянному. С учетом приведенных доводов просит отменить апелляционный приговор и передать дело на новое апелляционное рассмотрение.

Изучив материалы уголовного дела и проверив доводы кассационных жалобы потерпевшей и представления прокурора, судебная коллегия находит апелляционное определение подлежащим отмене на основании ст. 401.6, ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ, ввиду допущенных судом апелляционной инстанции существенных нарушений уголовного и уголовно-процессуального закона, повлиявших на исход дела, искаживших саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия.

В соответствии с ч. 4 ст. 7 УПК РФ судебное решение должно быть законным, обоснованным, мотивированным и признается таковым, если оно вынесено в соответствии с требованиями УПК РФ, основано на правильном применении уголовного закона и достаточно мотивировано.

В силу ст. 389.9 УПК РФ предметом судебного разбирательства в апелляционном порядке является проверка судом апелляционной инстанции по апелляционным жалобам или представлениям законности, обоснованности и справедливости приговора или иного решения суда первой инстанции.

Исходя из системного единства требований ч. 4 ст. 7 и ст. 389.28 УПК РФ суд апелляционной инстанции должен привести в определении обоснованные и убедительные мотивы принятого решения с указанием фактических и правовых обоснований необходимости отмены или изменения приговора.

Односторонняя оценка доказательств по делу является существенным нарушением уголовного и уголовно-процессуального закона, влекущим в силу

ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ отмену апелляционного определения, с передачей дела на новое апелляционное рассмотрение.

Вопреки указанным положениям закона, суд апелляционной инстанции не привел убедительных мотивов принятого решения о переквалификации действий осужденного с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 108 УК РФ.

Вместе с тем к таким выводам суд апелляционной инстанции пришел лишь с учетом показаний осужденного, без должной оценки совокупности исследованных в суде первой инстанции доказательств. При этом оставил без внимания и оценки то обстоятельство, что показания Г. о механизме нанесения им удара ножом, о взаимном расположении его и <данные изъяты> являлись непоследовательными на протяжении всего производства по делу и противоречили совокупности доказательств, положенных в основу приговора судом первой инстанции.

Согласно ч. 2 ст. 74 УПК РФ показания подозреваемого, обвиняемого, подсудимого являются доказательством и в соответствии со ст. 87 УПК РФ подлежат проверке путем сопоставления их с другими доказательствами.

Однако данные требования закона не выполнены судом апелляционной инстанции.

Так, из показаний самого Г. следует, что он ударил ножом в спину потерпевшего последний остался лежать на снегу на животе лицом вниз, не двигаясь, в таком же положении и в том же месте он обнаружил труп потерпевшего утром.

Вместе с тем, данные показания Г. не согласуются с другими доказательствами.

Из протоколов осмотра места происшествия и заключений экспертов-биологов усматривается, что в автомашине <данные изъяты> на шторках окна и на обнаруженных в машине рюкзаке, трех отвертках, стамеске найдена кровь <данные изъяты> Эти обстоятельства указывают на то, что еще до того, как Г. вытащил потерпевшего из машины <данные изъяты> потерпевшему были причинены телесные повреждения.

Кроме того, согласно протоколу осмотра места происшествия, труп Д. обнаружен в положении лежа на животе. При этом одежда потерпевшего была пропитана кровью на спине с распространением следов пропитывания сверху вниз от раны. Выше раны на одежде потерпевшего кровь не обнаружена, что по заключению и показаниям эксперта свидетельствует о том, что указанные следы крови на одежде потерпевшего образовались в вертикальном положении тела или близком к таковому. На затылке погибшего на момент осмотра трупа на месте происшествия имелись горизонтальные по отношению к оси тела потеки крови, что свидетельствует о том, что они образовались в то время, когда потерпевший находился в горизонтальном положении лицом вверх, то есть до падения потерпевшего и наступления его смерти от ножевого ранения.

Из заключения комиссии экспертов № 404 следует, что при тех обстоятельствах, которые указал Г. в ходе следственного эксперимента, ножевое ранение Д. не могло быть причинено. Указанным выше доказательствам суд апелляционной инстанции не дал оценку в совокупности, не проверил, мог ли потерпевший Д. представлять реальную опасность и угрозу для Г. после получения комплекса всех иных телесных повреждений, не состоящих в прямой причинно-следственной связи со смертью, при том, что исходя из показаний самого Г. следует, что данные телесные повреждения были причинены потерпевшему до того, как он, по версии осужденного, напал на последнего.

Не дана оценка в совокупности с иными доказательствами и показаниям свидетеля о том, что после случившегося Г. ему рассказал, что когда он подошел к Д., то там уже все было сделано, он только нанес удар ножом.

Кроме того, суд апелляционной инстанции признал, что защитные действия Г. были осуществлены после того, как молоток выбыл из рук Д., а сам Г. оказался за спиной безоружного Д., который до этого применил к осужденному насилие, не представляющее опасность для жизни. В то же время суд апелляционной инстанции не указал, какие объективные данные

позволяли Г., вооруженному ножом, полагать, что со стороны потерпевшего сохранялась реальная угроза продолжения посягательства, хотя суд первой инстанции выяснил эти обстоятельства и дал им оценку в приговоре.

Допущенные судом апелляционной инстанции существенные нарушения уголовно-процессуального закона привели к неправильному применению уголовного закона и чрезмерной мягкости назначенного наказания, что повлияло на исход дела, исказило саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия, поэтому апелляционное определение подлежит отмене с передачей дела на новое апелляционное рассмотрение.

В качестве доказательств в уголовном судопроизводстве считаем целесообразным рассматривать исключительно судебные доказательства, полученные в рамках судебного следствия в ходе судебного разбирательства. Сведения, полученные в процессе доказывания в ходе досудебного производства, рассматривать в качестве доказательственных сведений, а не доказательств, включая протоколы процессуальных действий (например, протокола задержания), содержащие значимую информацию. Исходя из этого пересмотреть видовую классификацию доказательств, представленную в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, выделив доказательственные сведения, получаемые следователем, дознавателем в ходе предварительного расследования, и судебные доказательства, получаемые судом в рамках судебного следствия.

К доказательственным сведениям следует отнести:

- показания подозреваемого, обвиняемого;
- показания потерпевшего и свидетеля;
- заключение эксперта и специалиста;
- вещественные предметы;
- иные документы;
- протоколы следственных и процессуальных действий.

Доказательственное значение протокола задержания очевидно, однако он не отражен в УПК РФ в качестве доказательства, что на наш взгляд, не верно.

К судебным доказательствам следует отнести:

- показания подсудимого;
- показания потерпевшего и свидетеля;
- заключение эксперта и специалиста;
- вещественные доказательства;
- протоколы судебных действий;
- иные документы;
- протоколы следственных и процессуальных действий.

Таким образом, подводя итоги второй главы магистерского исследования, считаем верным рассматривать доказательства в уголовном процессе как определенные сведения, полученные в порядке, определенном Уголовно-процессуальным кодексом РФ из установленных законом источников. Информационный характер доказательств – обязательный признак, раскрывающий познавательную направленность доказательства. Сведения, составляющие содержание доказательства должны обладать свойством относимости и достоверности, т.е. должны быть связаны с обстоятельствами, подлежащими установлению по уголовному делу и соответствовать объективной действительности. При собирании доказательств суд обеспечивает их проверку на соответствие признаку допустимости, а их совокупность – на предмет достаточности для вынесения обвинительного приговора.

Исходя из отсутствия в доктрине и законодательстве общепризнанного понимания источников доказательств предлагаем исключить из текста ст. 67 УПК РФ «Проверка доказательств» словосочетание «а также установления их источников». Одновременно предлагаем рассматривать в качестве источников доказательств материальные объекты, выступающие носителями следов

преступления, а также живых лиц, свидетельствующих об обстоятельствах, значимых для установления предмета доказывания по уголовному делу.

В качестве доказательств в уголовном судопроизводстве считаем целесообразным рассматривать исключительно судебные доказательства, полученные в рамках судебного следствия в ходе судебного разбирательства. В то же время сведения, полученные в процессе доказывания в ходе досудебного производства, рассматривать в качестве доказательственных сведений, а не доказательств, включая протоколы процессуальных действий (например, протокола задержания), содержащие значимую информацию. Исходя из этого пересмотреть видовую классификацию доказательств, представленную в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, выделив доказательственные сведения, получаемые следователем, дознавателем в ходе предварительного расследования, и судебные доказательства, получаемые судом в рамках судебного следствия.

Соответственно в итоговом процессуальном акте предварительного расследования следует указывать не доказательства обвинения и доказательства защиты, а доказательственные сведения, подтверждающие доводы обвинения и доводы защиты. Только в судебном заседании, в установленном УПК РФ порядке доказательственные сведения могут быть трансформированы в судебные доказательства, обладающие свойствами относимости, достоверности и допустимости. А достаточная совокупность обвинительных судебных доказательств может быть положена в основу обвинения.

Глава 3 Проблемы правового регулирования доказывания и доказательств

3.1 Бремя доказывания как элемент уголовно-процессуального доказывания

Учитывая, что доказывание является сердцевинной уголовно-процессуальной деятельностью, от его качества и эффективности зависят результаты уголовного судопроизводства. В этом параграфе мы хотим остановиться на проблемах в доказывании, которые обозначились в последнее время и связаны с доказыванием так называемых «заказчиков обнала», т.е. предпринимателей, которые воспользовались услугами обналичивания денежных средств.

В последние 2-3 года заказчиков обнальных услуг стали активно привлекать к уголовной ответственности по ст. 187 УК РФ «Неправомерный оборот средств платежей», в виде поддельных платежных поручений в адрес компании из обнальной цепочки. Интерес в таких уголовных делах вызывает собранный объем доказательственной базы, уличающий предпринимателя - заказчика обнала в совершении преступления, т.е. в отсутствии проведенных платежей. Доказательствами обвинения в основном выступают показания лиц, непосредственно совершающих незаконное осуществление банковских операций в виде снятия наличных денег. Как правило, эти так называемые «обнальщики» уже привлечены к уголовной ответственности по ст. 187 УК РФ, и с ними заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, в рамках которого прокурор гарантирует смягчение ответственности, а они дают информацию о заказчике.

По всем изученным нами уголовным делам показания обнальщиков составляли центр доказательственной базы. Вокруг их показаний собирались другие, подтверждающие косвенные обстоятельства, которые без центральных показаний не имели достаточного юридического веса.

Например, уголовное дело по обвинению руководителя ООО «АвтоПолимерСнаб» С.М. по 40 эпизодам ч. 1 ст. 187 УК РФ. Показания против С.М. дал обнальщик, выступающий в качестве свидетеля № 1, также осужденный по ст. 187 УК РФ. В частности, Свидетель № 1 показал, что заказчиком незаконного обналичивания денежных средств их преступной группы была организация, расположенная на территории Н.-Новгорода, а именно ООО «АвтоПолимерСнаб», в лице директора С.М. Для вышеуказанной организации незаконное обналичивание денежных средств происходило через подконтрольные им формально-легитимные организации, то есть фирмы «однодневки» [42].

Аналогичная ситуация по приговорам, постановляемым в Брянске. По части 1 ст. 187 УК РФ осуждены руководитель «БрянскСпецСервич» С. и фактический управленец ООО «А» Ш. Центральное доказательство в уголовных делах данных руководителей – показания группы «обнальщиков», данные в рамках заключенных с ними досудебных соглашений о сотрудничестве. В приговоре суда указано: «согласно показаниям свидетеля Ж., он совместно с М. занимался незаконной банковской деятельностью по обналичиванию денежных средств. За время работы с ООО «БрянскСтройСервич» было проведено около 39 финансовых операций, примерно на сумму не менее 9142112 рублей [43].

Также, свидетель Ж. показал, что несколько юридических лиц являлись подконтрольными ему организациями и использовались им для незаконной банковской деятельности. Директора и учредители указанных организаций являлись их номинальными руководителями. Директор ООО «А» Ш. также пользовалась его услугами по обналичиванию денежных средств через указанные подконтрольные организации [44].

Таких примеров за последние годы становится все больше. Несмотря на усилия защитников доказать заинтересованность обнальщиков давать уличающие показания против предпринимателей, с целью смягчить свою участь, суды не принимают позицию защиты. Статистика привлечений по

ст. 187 УК РФ кратно растет: в 2023 году тенденция на двукратное ежегодное увеличение числа осуждений продолжилась. Суды не принимают доводы защиты о недопустимости подмены ч. 1 ст. 199 УК РФ, по которой должен привлекаться к ответственности предприниматель за уклонение от уплаты налогов, на ст. 187 УК РФ. Доводы защитников отклоняются либо немотивированно, либо с неопределенной мотивировкой.

Например, в приговоре Магаданского городского суда Магаданской области суд отказывая защитнику в переквалификации деяния, не привел ни одного довода в пользу принятого решения, указав, что деяния подсудимого квалифицированы правильно [45]. Более развернуто, хотя и не полно, суд выразил свое мнение следующим образом: доводы защитника о переквалификации деяний подсудимого Г. с ч. 1 ст. 187 УК РФ по трем преступлениям и ч. 1 ст. 199 УК РФ, поскольку целью описанных в обвинительном заключении действий могли быть не использование подложного документа, а уклонение от уплаты налогов, и что данные деяния как правило выявляются в ходе проведения фискальным органом проверок хозяйствующих субъектов, суд находит неубедительными – они не свидетельствуют об отсутствии составов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 187 УК РФ в деянии подсудимого, поскольку законодатель данные деяния с учетом степени общественной опасности отнес к тяжким преступлениям, которым требуется самостоятельная уголовно-правовая оценка [46].

Профессиональное сообщество юристов заинтересовалось данной проблемой и отмечают, что такая подмена носит в основном региональный характер и применяется в Нижегородской, Тверской, Ульяновской, Магаданской, Пермской областях, Ямало-Ненецком автономной округе, Кабардино-Балкарской Республике. В центральных регионах России, и в частности в Москве и Московской области, такая практика пока не применяется. Специалисты считают, что такая ситуация временная, пока практика «экспериментируется» в других регионах страны. По общему правилу заказчиков обналичивания привлекали по ст. 199 УК РФ, а лиц,

непосредственно осуществляющих обналичивание – по ст. 187 УК РФ. Теперь вводятся новые правила. Вместе с обнальщиками к уголовной ответственности по ст. 187 УК РФ привлекаются и заказчики незаконных банковских операций.

Использование в качестве основных доказательств показаний обнальщиков, выступающих в качестве свидетеля, а если точнее – лица, в отношении которого заключено соглашение о сотрудничестве, не противоречит уголовно-процессуальному законодательству и может быть положено в основу обвинения.

Не менее интересен другой пример из судебной практики.

По приговору Ноябрьского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 2 декабря 2021 года Г. был осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ к 7 годам лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима за убийство, то есть за умышленное причинение смерти Д. Апелляционным приговором судебной коллегии по уголовным делам суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 11 декабря 2023 года указанный приговор суда первой инстанции отменен, Г. признан виновным в убийстве, совершенном при превышении пределов необходимой обороны, и осужден по ч. 1 ст. 108 УК РФ к 1 году 3 месяцам ограничения свободы с установлением ограничений и возложением обязанности, указанных в апелляционном приговоре [37].

В кассационном представлении прокурор ставит вопрос об отмене апелляционного приговора, считает его незаконным в связи с существенными нарушениями уголовного и уголовно-процессуального закона, которые повлекли неправильную квалификацию действий осужденного и назначение несправедливого наказания. Утверждает, что у Г. не имелось необходимости в причинении Д. смерти для предотвращения или пресечения посягательства, поскольку посягательство как таковое отсутствовало. Ссылаясь на показания Г. в ходе следственного эксперимента от 14 февраля 2020 года, протокол осмотра места происшествия и пояснения Г. при производстве данного

следственного действия, показания свидетелей, заключения и показания экспертов указывает, что нанесение Г. удара ножом в спину Д. с достаточной силой (на глубину 13 см) не было обусловлено необходимостью защиты от посягательства, поэтому не является необходимой обороной либо превышением ее пределов. В подтверждение данного вывода ссылаются на достоверно установленные в суде первой инстанции обстоятельства, из которых следует, что в ходе конфликта Г. оказался за спиной Д. в связи с чем у него отпала необходимость обороняться и применять меры защиты, однако он вооружился ножом и нанес им удар в спину Д. с достаточной силой в тот момент, когда потерпевший не был вооружен, не применял насилие и не высказывал угроз, то есть не представлял угрозу для Г.

Изучив материалы уголовного дела и проверив доводы кассационных жалобы потерпевшей и представления прокурора, судебная коллегия находит апелляционное определение подлежащим отмене на основании ст. 401.6, ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ, ввиду допущенных судом апелляционной инстанции существенных нарушений уголовного и уголовно-процессуального закона, повлиявших на исход дела, искаживших саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия.

Исходя из системного единства требований ч. 4 ст. 7 и ст. 389.28 УПК РФ суд апелляционной инстанции должен привести в определении обоснованные и убедительные мотивы принятого решения с указанием фактических и правовых обоснований необходимости отмены или изменения приговора.

Односторонняя оценка доказательств по делу является существенным нарушением уголовного и уголовно-процессуального закона, влекущим в силу ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ отмену апелляционного определения, с передачей дела на новое апелляционное рассмотрение.

Вопреки указанным положениям закона, суд апелляционной инстанции не привел убедительных мотивов принятого решения о переквалификации действий осужденного с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 108 УК РФ.

Вместе с тем к таким выводам суд апелляционной инстанции пришел лишь с учетом показаний осужденного, без должной оценки совокупности исследованных в суде первой инстанции доказательств. При этом оставил без внимания и оценки то обстоятельство, что показания Г. о механизме нанесения им удара ножом, о взаимном расположении его и <данные изъяты> являлись непоследовательными на протяжении всего производства по делу и противоречили совокупности доказательств, положенных в основу приговора судом первой инстанции.

Согласно ч. 2 ст. 74 УПК РФ показания подозреваемого, обвиняемого, подсудимого являются доказательством и в соответствии со ст. 87 УПК РФ подлежат проверке путем сопоставления их с другими доказательствами.

Однако данные требования закона не выполнены судом апелляционной инстанции.

Так, из показаний самого Г. следует, что он ударил ножом в спину потерпевшего последний остался лежать на снегу на животе лицом вниз, не двигаясь, в таком же положении и в том же месте он обнаружил труп потерпевшего утром.

Вместе с тем, данные показания Г. не согласуются с другими доказательствами.

Из протоколов осмотра места происшествия и заключений экспертов-биологов усматривается, что в автомашине <данные изъяты> на шторках окна и на обнаруженных в машине рюкзаке, трех отвертках, стамеске найдена кровь <данные изъяты> Эти обстоятельства указывают на то, что еще до того, как Г. вытащил потерпевшего из машины <данные изъяты> потерпевшему были причинены телесные повреждения.

Кроме того, согласно протоколу осмотра места происшествия, труп <данные изъяты> обнаружен в положении лежа на животе. При этом одежда потерпевшего была пропитана кровью на спине с распространением следов пропитывания сверху вниз от раны. Выше раны на одежде потерпевшего кровь не обнаружена, что по заключению и показаниям эксперта <данные изъяты>

свидетельствует о том, что указанные следы крови на одежде потерпевшего образовались в вертикальном положении тела или близком к таковому. На затылке погибшего на момент осмотра трупа на месте происшествия имелись горизонтальные по отношению к оси тела потеки крови, что свидетельствует о том, что они образовались в то время, когда потерпевший находился в горизонтальном положении лицом вверх, то есть до падения потерпевшего и наступления его смерти от ножевого ранения.

Из заключения комиссии экспертов № 404 следует, что при тех обстоятельствах, которые указал Г. в ходе следственного эксперимента, ножевое ранение Д. не могло быть причинено.

Допущенные судом апелляционной инстанции существенные нарушения уголовно-процессуального закона привели к неправильному применению уголовного закона и чрезмерной мягкости назначенного наказания, что повлияло на исход дела, исказило саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия, поэтому апелляционное определение подлежит отмене с передачей дела на новое апелляционное рассмотрение.

Позиция стороны обвинения в этом уголовном деле обусловлена возложенным на нее бременем доказывания виновности подсудимого. Постановление незаконного, необоснованного и несправедливого приговора послужило основанием для обращения прокурора с кассационным представлением в суд кассационной инстанции. Возвращение уголовного дела на новое апелляционное рассмотрение позволит государственному обвинителю обосновать правильность юридической квалификации действий подсудимого и ходатайствовать перед судом о назначении справедливого наказания.

Таким образом, в системе уголовно-процессуального доказывания в качестве обязательного элемента наряду с правом участника на доказывание выступает бремя доказывания, возлагаемое на должностное лицо, осуществляющее производство по уголовному делу. Следует отметить, что

пределы бремени доказывания не распространяются на всех участников стороны обвинения. Такие участники, как потерпевший, гражданский истец и их представители не обладают бременем доказывания. Их участие в доказывании обеспечивается на уровне права. Каждый из них вправе представлять доказательства, участвовать в исследовании доказательств, заявлять иные ходатайства по получению доказательств. Даже в тех случаях, когда государственный обвинитель отказывается от обвинения, потерпевший не вправе взять на себя функцию обвинения и заменить государственного обвинителя.

Только следователь, дознаватель в досудебном производстве, и суд в судебном производстве несут бремя доказывания по уголовному делу. Но между бременем доказывания указанных должностных лиц есть принципиальная разница. Следователь и дознаватель, осуществляя доказывание обязаны установить все обстоятельства совершения преступления. Другими словами, они обязаны установить истину по уголовному делу. Их бремя доказывания в досудебном производстве осуществляется в форме познания обстоятельств совершенного преступления. Бремя доказывания, возложенное на суд, осуществляется в иной форме, в форме обоснования принятого решения. Суд обязан рассмотреть представленные сторонами доказательства, и из них выбрать достоверные, относимые и допустимые доказательства, которые будут положены в основу принятого решения. Такую форму бремени доказывания называют доказывание-обоснование. Совокупность доказывания-познания и доказывания-обоснования в уголовно-процессуальном доказывании определяют особенности реализации бремени доказывания по уголовному делу.

3.2 Электронные доказательства как средство доказывания по уголовным делам

Один из проблемных вопросов в теории доказательств – определение понятия, содержания и процессуальной формы электронных доказательств. Проблема заключается в том, что ч. 2 ст. 74 УПК РФ закрепляет различные виды доказательств, но не называет в качестве самостоятельного вида электронные доказательства. Термин «электронные доказательства» становится модным, но само понятие не сформулировано. Немногочисленные энтузиасты пытаются перенести акценты на техническую сферу, что не является ошибочным подходом. Ученые рассматривают электронные доказательства не только в техническом, но и в концептуальном, технологическом и идеологическом аспектах. Так, отдельные авторы трактуют электронные доказательства как доказательства, максимально не привязанные ни к субъекту, ни к форме [41]. Массовое революционное наступление информационных технологий породило запрос на внедрение нового вида доказательств. Наука интуитивно чувствует, что электронные доказательства несут методологические перемены. Термин «электронные доказательства» стал символом новой эпохи в уголовном судопроизводстве.

В свое время письменность породила новые доказательства в уголовном процессе, такие как протоколы и документы. Письменная форма является надежным процессуальным инструментом, несмотря на критику. Однако письменность может быть потеснена более совершенными формами работы с информацией. Фотография, кинематография, звукозапись и видеозапись расширяли список письменных доказательств, но не породили принципиально нового вида доказательств. Формула "электронные доказательства" появляется на фоне активного проникновения новых технических достижений.

В уголовно-процессуальной науке этот вопрос сейчас очень актуальный. Д.В. Замула предлагает понимать электронные доказательства как

информацию на электронном носителе [16]. В.Б. Вехов определяет электронные доказательства как любые сведения в электронной форме [9].

На наш взгляд феномен электронных доказательств заключается в следующем:

- сложности в вписывании электронных доказательств в действующую научную парадигму;
- необходимость смены идеологии уголовного судопроизводства;
- методологические изменения: поиск новых методологических принципов для понимания электронных доказательств;
- необходимость информационно-технологической перестройки уголовного процесса;
- технические аспекты электронных доказательств: электронные доказательства создаются без участия человека.
- они могут быть представлены в виде виртуальных библиотек и баз данных.
- электронные доказательства не привязаны к конкретному компьютеру. Минимизация человеческого фактора

Технический аспект электронных доказательств успешно развивается, но идеологическая и методологическая связь с ними не очевидна. Для осмысления феномена электронных доказательств необходимы новые подходы и интеллектуальные инструменты. В электронном мире исчезают здания и люди как посредники в информационно-материальном обмене. Электронные доказательства реализуют идею доказательства как чистой информации. По-новому идет формирование электронных доказательств: электронное доказательство формируется машиной, а не человеком. Информация в электронных доказательствах не становится производной при копировании. Электронные доказательства могут быть разными: как демонстрация сюжета или интерпретация информации.

Появляются новые требования к доказательствам, в связи с чем формулируются критерии допустимости электронных доказательств, а именно:

- вопрос об источнике электронных доказательств требует помощи специалиста;
- концепт «электронности» пытается по-новому трактовать тему информационного доверия к технике;
- терминология электронных доказательств отражает их информационную природу;
- электронные доказательства представляют собой объективную информацию, зафиксированную техническим устройством;
- техника становится источником объективности, что позволяет отодвинуть на второй план субъекта, приводящего в действие электронное устройство;
- анонимность в электронных доказательствах остается камнем преткновения в уголовно-процессуальной доктрине;
- законодательство должно учитывать анонимность, но не растворять электронные доказательства в письменных и вещественных;
- идеологический момент заключается в формировании доверия к надежности компьютерных технологий;
- компьютер становится источником подлинной объективности, что меняет восприятие уголовного процесса.

Уголовный процесс стремится к широкому принятию информационных технологий. Электронные доказательства все чаще называют цифровыми, что отражает переход от информационно-логического мира слова к информационно-визуальному миру картинок [62]. Вместе с тем, все чаще ученые называют проблемы и перспективы развития электронных доказательств. Во-первых, поиск сущности понятия электронных доказательств требует особого мышления. Техника дала серьезный повод задуматься над этим феноменом, но не может обдумать его за нас. Главная

задача науки - формулировать проблемы, и феномен электронных доказательств требует новых открытий и направлений. В большинстве случаев современные исследователи связывают понятие электронных доказательств с контекстом электронного правосудия [28], что на наш взгляд, не совсем верно. Независимо от того, будет в уголовном процессе допускаться электронное правосудие, либо оно не будет использоваться, электронные доказательства как самостоятельный вид доказательств будет воспринят законодателем, так как в правоприменительной деятельности этот вид доказательств уже выделяется и воспринимается участниками судопроизводства.

Соответственно, современный уголовный процесс уже начал работать с электронными доказательствами, понимая под ними доказательства, указанные в ч. 4 ст. 81 УПК РФ, а именно: «изъятые в ходе досудебного производства, но не признанные вещественными доказательствами предметы, включая электронные носители информации, и документы подлежат возврату лицам, у которых они были изъяты, с учетом требований статьи 6.1 настоящего Кодекса. Учет и хранение указанных предметов и документов до признания их вещественными доказательствами или до их возврата лицам, у которых они были изъяты, осуществляются в порядке, установленном Правительством Российской Федерации».

В качестве примера рассмотрим следующее уголовное дело.

По приговору Советского районного суда г. Владивостока Приморского края от 5 июля 2021 года, Р. признан виновным и осужден за кражу, то есть тайное хищение чужого имущества, совершенную с причинением значительного ущерба гражданину, из одежды, находившейся при потерпевшем, с банковского счета [23].

В кассационной жалобе осужденный Р. выражает несогласие с приговором, поскольку считает, что его действия подлежали квалификации по ст. 159.3 УК РФ, как мошенничество с использованием электронных средств платежа.

Проверив материалы уголовного дела, обсудив доводы кассационной жалобы, судебная коллегия не находит оснований для отмены или изменения приговора.

Проверив материалы уголовного дела, обсудив доводы кассационной жалобы, судебная коллегия не находит оснований для отмены или изменения приговора.

Из установленных судом обстоятельств дела следует, что Р. 24 декабря 2020 года тайно похитил из одежды потерпевшего Ивановского кошелек стоимостью 3500 рублей, в котором находились денежные средства в размере 1850 рублей и банковские карты на имя Ивановского. После чего, в этот же день, при указанных в приговоре обстоятельствах Р. похитил с банковских карт Ивановского денежные средства на общую сумму 1190 рублей.

При установленных судом обстоятельствах, действия Р. правильно квалифицированы судом по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, как кража, совершенная с причинением значительного ущерба гражданину, из одежды, находившейся при потерпевшем, с банковского счета и оснований для переквалификации его действий на ст. 159.3 УК РФ, как мошенничество с использованием электронных средств платежа, не имеется.

Помимо электронных доказательств, УПК РФ регламентировал процессуальную деятельность по использованию электронных документов в досудебном и судебном производстве. Например, часть 1 ст. 474.2 УПК РФ указывает, что «ходатайство, заявление, жалоба, представление, требование, не содержащие сведений, составляющих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, затрагивающих безопасность государства, права и законные интересы несовершеннолетних, или сведений о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы личности, при наличии технической возможности могут быть поданы прокурору, следователю, руководителю следственного органа, в орган дознания, дознавателю в порядке и сроки, которые установлены настоящим Кодексом, в форме электронного документа и подписываются лицом,

подавшим такой документ, усиленной квалифицированной электронной подписью, если настоящим Кодексом не установлено иное. Материалы, приложенные к таким ходатайству, заявлению, жалобе, представлению, требованию, также подаются в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, и заверяются лицом, подавшим указанные документы, усиленной квалифицированной электронной подписью».

На примере данного уголовного дела наглядно видно, что использование пластиковых карточек при хищении денежных средств не всегда связано с квалификацией деяния за использование электронных средств. Мы согласны, что в данном случае действия Р. правильно квалифицированы по ст. 158 УК РФ.

Еще в одном уголовном деле защита ссылалась на то, что «в основу приговора суд положил решения налогового органа и арбитражных судов, поскольку, по ее мнению, они не могут иметь для суда доказательственного значения в силу иной процедуры доказывания в уголовном судопроизводстве. Суды не дали оценки тому обстоятельству, что налоговая отчетность подписывалась не лично К.Д., а электронно-цифровой подписью, которая находилась у другого лица, что свидетельствует о том, что осужденный не формировал и не подавал налоговую отчетность» [24].

Отказывая в удовлетворении жалобы, суд указал: «доводы кассационных жалоб, связанные с анализом представленных суду доказательств, являются несостоятельными, поскольку правильные по существу выводы суда оспариваются стороной защиты исключительно путем переоценки в выгодную для осужденного сторону тех же доказательств, которые исследованы судом и положены в основу приговора. При этом не приводится каких-либо существенных обстоятельств, не учтенных или оставленных без внимания судом. Тот факт, что данная судом оценка собранных по делу доказательств не совпадает с позицией стороны защиты, не свидетельствует о нарушении судом требований ст. 88 УПК РФ и не является основанием для изменения или отмены состоявшихся по делу судебных

решений. При рассмотрении уголовного дела в полной мере были соблюдены требования закона, в том числе положения ст. 15 УПК РФ о состязательности и равноправии сторон. Судом были исследованы доказательства, представленные сторонами, каждому из которых была дана объективная оценка».

Делая выводы по данному параграфу, отметим, что термин «электронное доказательство» появился раньше соответствующего понятия. Технологические метаморфозы затрагивают широкие сферы общественной жизни, что приводит к появлению электронных доказательств. Важно различать термины «компьютерные», «электронные», «цифровые» доказательства. «Электронные доказательства» - это не столько юридическое понятие, сколько метафора. Электронные доказательства - это концепт, из которого развивается новая уголовно-процессуальная информационная технология. Термин «электронные доказательства» становится лозунгом нового времени и затрагивает не только доказательственную сферу, но и в целом сферу уголовно-процессуального делопроизводства.

Подводя итоги третьей главе отметим следующее. Бремя доказывания не распространяются на всех участников стороны обвинения. Такие участники, как потерпевший, гражданский истец и их представители не обладают бременем доказывания. Их участие в доказывании обеспечивается на уровне права. Каждый из них вправе представлять доказательства, участвовать в исследовании доказательств, заявлять иные ходатайства по получению доказательств. Даже в тех случаях, когда государственный обвинитель отказывается от обвинения, потерпевший не вправе взять на себя функцию обвинения и заменить государственного обвинителя.

Только следователь, дознаватель в досудебном производстве, и суд в судебном производстве несут бремя доказывания по уголовному делу. Но между бременем доказывания указанных должностных лиц есть принципиальная разница. Следователь и дознаватель, осуществляя доказывание обязаны установить все обстоятельства совершения

преступления. Другими словами, они обязаны установить истину по уголовному делу. Их бремя доказывания в досудебном производстве осуществляется в форме познания обстоятельств совершенного преступления. Бремя доказывания, возложенное на суд, осуществляется в иной форме, в форме обоснования принятого решения. Суд обязан рассмотреть представленные сторонами доказательства, и из них выбрать достоверные, относимые и допустимые доказательства, которые будут положены в основу принятого решения. Такую форму бремени доказывания называют доказывание-обоснование. Совокупность доказывания-познания и доказывания-обоснования в уголовно-процессуальном доказывании определяют особенности реализации бремени доказывания по уголовному делу.

Уголовный процесс стремится к широкому принятию информационных технологий. Электронные доказательства все чаще называют цифровыми, что отражает переход от информационно-логического мира слова к информационно-визуальному миру картинок. Вместе с тем, все чаще ученые называют проблемы и перспективы развития электронных доказательств. Во-первых, поиск сущности понятия электронных доказательств требует особого мышления. Техника дала серьезный повод задуматься над этим феноменом, но не может обдумать его за нас. Главная задача науки - формулировать проблемы, и феномен электронных доказательств требует новых открытий и направлений. В большинстве случаев современные исследователи связывают понятие электронных доказательств с контекстом электронного правосудия, что на наш взгляд, не совсем верно. Независимо от того, будет в уголовном процессе допускаться электронное правосудие, либо оно не будет использоваться, электронные доказательства как самостоятельный вид доказательств будет воспринят законодателем, так как в правоприменительной деятельности этот вид доказательств уже выделяется и воспринимается участниками судопроизводства.

Заключение

Действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит понятия «доказывание» и не определяет четко перечень участников, наделенных полномочиями по доказыванию. Прежде всего доказывание не стоит отождествлять с предварительным расследованием, в рамках которого проводится и другая деятельность, например, направленная на решение вопроса о применении меры пресечения, или мер обеспечения гражданского иска и т.д. В этом смысле доказывание представляет собой специальную деятельность органа расследования в досудебном производстве, а суда в судебном производстве, в рамках которой устанавливаются обстоятельства, имеющие юридическое значение для разрешения уголовного дела. Хотя содержание деятельности органов расследования и суда в доказывании различно, результат их участия в доказывании всегда сопряжен с ответом на вопросы о виновности обвиняемого или подсудимого и необходимости его уголовной ответственности. Результаты доказывания органа расследования формулируются в итоговом акте расследования, проверяются и утверждаются прокурором, и направляются в суд. Результаты доказывания суда формулируются в приговоре суда, но могут быть обжалованы заинтересованными участниками в вышестоящий суд, решение которого является окончательным.

В зависимости от субъекта, осуществляющего доказывание, можно выделить доказывание – познание и доказывание – обоснование. На предварительном расследовании доказывание осуществляется органами предварительного расследования с целью познания обстоятельств совершенного преступления. В судебном производстве, где сторона обвинения представляет результаты предварительного расследования с итоговым сформулированным обвинением и достаточной совокупностью доказательств, его подтверждающих, суд может осуществлять лишь доказывание – обоснование, предполагающее отбор достаточной

совокупности доказательств, подтверждающих обвинение, в противном случае – вынесение оправдательного приговора. Пока нет устоявшегося понятия термина «источники доказательств» предлагается исключить из текста УПК РФ, а именно из ст. 78 «Проверка доказательств», данный термин. Не имея четкого понимания источника доказательств, нельзя ориентировать правоприменителя на его установление.

Доказательства в уголовном процессе мы рассматриваем как определенные сведения, полученные в порядке, определенном Уголовно-процессуальным кодексом РФ из установленных законом источников. Информационный характер доказательств – обязательный признак, раскрывающий познавательную направленность доказательства. Сведения, составляющие содержание доказательства должны обладать свойством относимости и достоверности, т.е. должны быть связаны с обстоятельствами, подлежащими установлению по уголовному делу и соответствовать объективной действительности. При собирании доказательств суд обеспечивает их проверку на соответствие признаку допустимости, а их совокупность – на предмет достаточности для вынесения обвинительного приговора.

Исходя из отсутствия в доктрине и законодательстве общепризнанного понимания источников доказательств предлагаем исключить из текста ст. 67 УПК РФ «Проверка доказательств» словосочетание «а также установления их источников». Одновременно предлагаем рассматривать в качестве источников доказательств материальные объекты, выступающие носителями следов преступления, а также живых лиц, свидетельствующих об обстоятельствах, значимых для установления предмета доказывания по уголовному делу.

В качестве доказательств в уголовном судопроизводстве считаем целесообразным рассматривать исключительно судебные доказательства, полученные в рамках судебного следствия в ходе судебного разбирательства. В то же время сведения, полученные в процессе доказывания в ходе досудебного производства, рассматривать в качестве доказательственных

сведений, а не доказательств, включая протоколы процессуальных действий (например, протокола задержания), содержащие значимую информацию. Исходя из этого пересмотреть видовую классификацию доказательств, представленную в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, выделив доказательственные сведения, получаемые следователем, дознавателем в ходе предварительного расследования, и судебные доказательства, получаемые судом в рамках судебного следствия.

Соответственно в итоговом процессуальном акте предварительного расследования следует указывать не доказательства обвинения и доказательства защиты, а доказательственные сведения, подтверждающие доводы обвинения и доводы защиты. Только в судебном заседании, в установленном УПК РФ порядке доказательственные сведения могут быть трансформированы в судебные доказательства, обладающие свойствами относимости, достоверности и допустимости. А достаточная совокупность обвинительных судебных доказательств может быть положена в основу обвинения.

Определяя границы использования бремени доказывания, мы исходим из того, что только следователь, дознаватель в досудебном производстве, и суд в судебном производстве несут бремя доказывания по уголовному делу. Но между бременем доказывания указанных должностных лиц есть принципиальная разница. Следователь и дознаватель, осуществляя доказывание обязаны установить все обстоятельства совершения преступления. Другими словами, они обязаны установить истину по уголовному делу. Их бремя доказывания в досудебном производстве осуществляется в форме познания обстоятельств совершенного преступления. Бремя доказывания, возложенное на суд, осуществляется в иной форме, в форме обоснования принятого решения. Суд обязан рассмотреть представленные сторонами доказательства, и из них выбрать достоверные, относимые и допустимые доказательства, которые будут положены в основу принятого решения.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Авилов А.В. Процессуальное положение и компетенция прокурора как субъекта обязанности доказывания // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2010. № 1. С. 79-81.
2. Акмолдоев Б.Ч., Сманалиев К.М. Следователь, суд и защитник как субъекты доказывания по УПК Кыргызской Республики // Экономика. Социология и право. 2016. № 2. С. 96-100.
3. Алиев Р.К. Правовая сущность доказывания и доказательств в уголовном процессе // Интернаука. 2024. № 22. С. 23-25.
4. Антропов М. Адвокат-защитник как субъект доказывания на стадии предварительного расследования // закон и право. 2008. № 2. С. 26-28.
5. Балакшин В.С. Доказательства в уголовном процессе // Российский юридический журнал. 2018. № 8 (63). С. 68-81.
6. Белкин А.Р. Теория доказывания. М., 1999. 564 с.
7. Васильченко Е.В. Понятие доказательств в уголовном судопроизводстве, концепции понятия доказательств // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 9. С. 244-250.
8. Вахрушева К.В. Понятие процесса доказывания // Молодой ученый. 2021. № 50 (392). С. 181-183.
9. Вехов В.Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики // Правопорядок: История, теория, практика. 2016. № 4. С. 46-50.
10. Вовк А.В., Власова У.А. Органы предварительного расследования и прокурор как субъекты доказывания // Флагман науки. 2024. № 4. С. 416-418.
11. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М. : Госюриздат. 1950. 308 с.
12. Гасымов Н.Р. Сущность, понятие и значение стандартов доказывания по уголовным делам // Экономика и юриспруденция. 2024. № 2 (112). С. 36-38.

13. Гришанкова Е.С. Понятие и содержание процесса доказывания в уголовном процессе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2007. № 4 (76). С. 56-60.

14. Дикаев С.У., Роганов С.А. Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 11. С. 115-129.

15. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М. : Проспект. 2014. 187 с.

16. Замула Д.В. Понятие электронных доказательств // Вестник современных исследований. 2018. № 8.4 (23). С. 187-189.

17. Иванов Д.С. Адвокат как субъект доказывания в уголовном судопроизводстве России // Вопросы российской юстиции. 2021. № 11. С.408-419.

18. Извекова А.В., Шубина О.А. Понятие, сущность и структура доказывания в арбитражном процессе // В сборнике «Перспективные научные исследования». М., 2019. С. 82-88.

19. Карнеева Л.М. Доказательства в советском уголовном процессе. – Волгоград. 1988. 116 с.

20. Карташов И.И., Лесников О.А. Цифровая информация в уголовно-процессуальном доказывании: понятие и свойства // Наука. Общество. Государство. 2020. Т.8. № 4 (32). С. 73-82.

21. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 23.08.2024 № 77-1126/2024 (УИД 26RS0002-01-2023-004962-89) // СПС Консультант Плюс.

22. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.06.2024 по делу N 77-1774/2024 // СПС Консультант Плюс.

23. Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 17.05.2022 N 77-819/2022 // СПС Консультант Плюс.

24. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18.03.2024 N 77-1169/2024 // СПС Консультант Плюс.

25. Кокорев Л.Д. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж. 2013. 276 с.
26. Конин В.В., Корсаков К.А. Доказывание и субъекты доказывания в уголовном судопроизводстве: переоценка сложившихся взглядов // Юридический вестник Самарского университета. 2020. № 2. С. 81-85.
27. Корнакова С.В.Ю Завгороднева Е.В. Состав преступления и предмет доказывания: к дискуссии о соотношении понятий // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 4. С. 495-501.
28. Кудайкулов И.В. Актуальные проблемы правового регулирования электронных доказательств в контексте электронного правосудия // В сборнике: Юридические чтения. Материалы национальной научно-практической конференции. Саранск. 2023. С. 195-201.
29. Купряшина Е.А. Понятие источника доказательств в уголовном процессе РФ // Юрист-Правоведь. 2006. № 3. С.86-89
30. Курс уголовного процесса / Под ред Л.В. Головки. - М. : Статут. 2017. 518 с.
31. Лаврова Е.А. Суд как субъект доказывания в уголовном процессе РФ // Таврический научный обозреватель. 2017. № 3. С. 181-184.
32. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе. М. : Юрайт. 2020. 264 с.
33. Лазарева В.А. Теория и практика состязательности в уголовном процессе РФ // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : сборник научных трудов / под ред. проф. В.А. Лазаревой, Том Выпуск 6. – Самара : Издательство «Самарский университет», 2012. С. 4-13. – EDN ZKKTAZ.
34. Лазарева В.А. Влияние состязательности уголовного судопроизводства на понятия теории доказательств // Юридический аналитический журнал. 2006. № 1. С. 14-19.
35. Lupinskaya P.A. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. М., 2003. 562 с.

36. Макаров Л.В. Сущность уголовно-процессуального доказывания // Следователь. 2001. № 1. С. 12-17.
37. Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М. : Проспект. 2006. 286 с.
38. Нахова Е.А. К вопросу о понятии судебных доказательств в гражданском процессе // Время и право. 2012. № 1. С. 36-38.
39. Определение Конституционного Суда РФ от 04.03.2004 № 145-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Проня Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 части четвертой статьи 47, пунктом 2 части первой статьи 53, статьями 74, 85 и 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.
40. Орлов Ю.К. Структура судебного доказывания и понятие судебного доказательства // Вопросы борьбы с преступностью. 1977. № 28. С. 86-101.
41. Поляков М.П., Смолин А.Ю. Концептологический анализ феномена электронных доказательств // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2. С. 135-145.
42. Приговор Балахнинского городского суда Нижегородской области от 0403.2024 по делу № 1-20/2024. // СПС Консультант Плюс.
43. Приговор Бежицкого районного суда г.Брянска от 15.07.2024 по уголовному делу № 1-323/2024. // СПС Консультант Плюс.
44. Приговор Советского районного суда города Брянска от 12.02.2024 по уголовному делу № 1-41/2024. // СПС Консультант Плюс.
45. Приговор Магаданского городского суда Магаданской области от 01.09.2023 по уголовному делу №» 1-124/2023. // СПС Консультант Плюс.
46. Приговор Муравленковского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 06.06.2023 по уголовному делу № 1-19/2023 // СПС Консультант Плюс.

47. Россинский С.Б. Является ли потерпевший субъектом доказывания по уголовному делу // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2. С. 237-243.

48. Рубис А.С. О единых стратегических приоритетах деятельности субъектов, вовлеченных в процесс доказывания // Право. 2020. № 4. С. 77-82.

49. Смирнов А.В. Формальные средства юридического доказывания в уголовном праве и процессе // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Под общ. ред. К.Б. Калиновского, Л.А. Зашляпина. Северо-Западный филиал РГУП. СПб. : ИД «Петрополис». 2018. С. 9-23.

50. Строгович М.С. Уголовный процесс. М. : Юриздат. 1956. 511 с.

51. Сутягин К.И. Оценка допустимости доказательств с учетом концепции «добросовестного заблуждения» субъектов доказывания // Вестник Омского университета. Серия Право. 2008. № 1. С. 180-182

52. Стельмах В.Ю. сущность формирования доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 4. С. 69-81.

53. Теория доказательств в советском уголовном процессе / [Белкин Р.С. и др.; редкол.: Жогин Н.В. (отв. ред.) и др.]; Всесоз. ин-т по изучению причин и разраб. мер предупреждения преступности. - Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : Юрид. лит., 1973. 734 с.

54. Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань. 1973.

55. Хитрова О.В., Сумин А.А. О понятии «источник доказательства» в уголовном процессе России // В сборнике: Современное уголовно-процессуальное право - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию принятия УПК РСФСР 1922 г., 20-летию действия УПК РФ. В 2-х частях. Орел, 2022. С. 152-157.

56. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. Учебник. М. : Госюриздат. 1951. 511 с.
57. Шейфер С.А. Доказательства в уголовном процессе. М., 2013. 213 с.
58. Шестакова С.Д. Допустимость доказательств в уголовном процессе России и США // Уголовное право. 2004. № 3. С. 100-102
59. Ясельская В.В. Защитник как субъект доказывания // В сборнике: Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск. 2006. С. 59-64.
60. Savchuk T.A. Discussion questions about the concept and legislative consolidation of «electronic» («digital») evidence in criminal proceedings. Criminal justice in the light of the integration of legal systems and the internationalization of criminal threats. Minsk, 2017. Pp. 88-91.
61. Chor Foon Tang, & Sezali Md. Darit. (2015). Penentu Makroekonomi Kadar Jenayah di Malaysia. Jurnal Ekonomi Malaysia, 49(2), 53-60.
62. Muhammad Adnan Pitchan et. al. (2019). Dasar Keselamatan Siber Malaysia: Tinjauan Terhadap Kesedaran Netizen dan Undang-Undang. Jurnal Komunikasi: Malaysian Journal of Communication, 35(1), 103-119.
63. Nibras Salim Khudhair. (2021). Revisiting the Admissibility of Electronic Evidence: Indian Jurisdictions & Notes from Other Countries. Psychology and Education, 58(5), 1135-1148.
64. Radhakrishna Gita. (2014). Distinguishing Between Admissibility and Authenticity of Electronic Evidence. Malayan Law Journal, 6(35), 1-14.